

16+

Надежда Снегуренко

СУЩНОСТЬ

Надежда Снегуренко

Сущность

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Снегуренко Н.

Сущность / Н. Снегуренко — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Нечто зловещее и необъяснимое врывается в размеренную жизнь Леры. А может быть, виной всему её тревожность и тайные страхи? Лера теряется в догадках. Она вспоминает о старом кладбище, куда они с дочерью ездили недавно. Девочка называет свою игрушку именем с могильного памятника. Но Лера вновь сомневается – возможно, дочь просто прочла это имя на кладбище? Она пытается убедить себя, что цепь странных событий - нелепая случайность, не подозревая о том, что всё только начинается. Тьма уже выбрала новую жертву...

© Снегуренко Н., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1 Голос в ночи	6
Глава 2 Что случилось с Баксом?	11
Глава 3 Мамочка, отрежь мне кусочек пирога	22
Глава 4 Кошмар наяву	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Пролог

Она долго лежала в тишине и тьме, как куколка бабочки. Из небытия её вырвал голос, что тихо позвал откуда-то издалека. Но для неё он прогремел набатом, зовущим в новую жизнь. Она выбралась из тесного кокона и понеслась ввысь, к стремительно растущему пятну ослепительного света. Там, наверху, в своём временном пристанище, она окончательно стряхнула с себя дурман многолетнего сна. Вспомнила, кем была и зачем вернулась. Значит – всё было не зря. Близится время перерождения...

Глава 1 Голос в ночи

– Мамочка, отрежь мне кусочек пирога... – радостно пропел детский голосок откуда-то из глубины квартиры.

Лера вздрогнула и замерла с занесёнными над клавиатурой ноутбука пальцами. Бросила взгляд в правый нижний угол экрана и удивилась – ого, почти три часа ночи! Она давно не засиживалась за работой так допоздна, особенно если дома был муж – Дима всегда ворчал, что не может уснуть, когда её нет рядом. Но сегодня днём он улетел в срочную командировку – сейчас в доме только спящая в соседней комнате дочка, старенький пёс в коридоре на лежанке и сама Лера, застывшая в недоумении. Она узнала голосок. Эту фразочку, как и множество других, напевала любимая игрушка Алисы, ещё она умела заразительно смеяться и обиженно всхлипать, стоило лишь надавить на мягкую лапку. Большая кошка с белой плюшевой шерсткой и розовым бантиком возле уха, с голубыми кукольными глазами, треугольным носиком и розовыми губами, одетая в жёлтое платьице с воланами и коричневые башмачки. Она была похожа на девочку с кошачьей головой и хвостом. Лиза – так называла её дочь. Но Алиса уже давным-давно спит. Или нет? Лера нахмурила брови, склонила голову набок, прислушиваясь. То, что прежде казалось плотной тишиной, постепенно обрело звуки, словно кто-то невидимый повернул ручку громкости – еле слышный гул холодильника на кухне, храп пса в коридоре, шум ветра за закрытым окном. Из комнаты дочери не доносилось ни шороха. Неясное тревожное предчувствие охватило Леру с новой силой.

Оно мучило её с самого утра – с того самого момента, как Дима неожиданно сообщил, что должен срочно лететь в Екатеринбург по работе. Именно поэтому, из-за своих дурацких предчувствий, она и потащилась с ним в аэропорт – провожать. Словно смогла бы чем-то помочь, случись что серьёзное на самом деле. Лера никогда не решалась на это прежде – она боялась толпы и больших зданий – магазинов, вокзалов, аэропортов, с ней случались приступы паники в таких местах. Агорафобия – красивое название Лериных мучений. Яркий фантик с горькой начинкой внутри. Правда, ей удалось добиться стойкой ремиссии – так говорил психотерапевт, с сомнением прищуривая глаза за толстыми линзами очков. За три года ни одного приступа – отличный результат! Она уже думала, что избавилась от этой напасти навсегда. Зря надеялась...

Пока рядом был муж, Лера почти не смотрела по сторонам, занятая своими тягостными мыслями и переживаниями. Она чуть не расплакалась, когда Дима в последний раз взмахнул рукой и скрылся за дверью в зал отлёта. А вот после – она плохо помнила всё, что случилось. До ушей Леры, прежде словно заткнутых берушами, вдруг донёсся гомон множества людей. Обычный шум аэропорта. Но ей он показался зловещим, тревожным, как сухой треск помех радиоэфира, а всё вокруг – ненастоящим, словно она совершенно случайно попала в какой-то призрачный мир, откуда нет выхода. Лёгкие сдавила безжалостная ледяная рука, ноги ослабли. Она рванулась к дверям из последних сил, едва не задохнулась, пока добежала. Очнувшись на улице – какая-то женщина трясла её за плечи и повторяла: – «Девушка, вам плохо? Девушка, очнитесь!»

Затем Лера ещё полтора часа тряслась на рейсовом автобусе до города, ругая себя за то, что потащилась в аэропорт, вызвав приступ панической атаки и отгоняя навязчивые мысли том, что с Димой может случиться нечто страшное. Тревога так и застыла занозой в сердце до вечера. Потом Лера забрала дочь из детсада, Дима позвонил из Екатеринбурга, и она постепенно успокоилась, тревога растаяла. И вот вернулась вновь...

– Мамочка, отрежь мне кусочек пирога, – словно уловив её размышления, снова прошепелявил голосок.

Лера зябко передёрнула плечами, накинула на плечи шерстяной палантин и направилась в комнату дочери. Приоткрыла дверь, прислушиваясь. Алиса спала, из кровати доносилось её ровное дыхание. Узкая полоска света упала на игрушки, рассаженные дочерью на полу вдоль стены, а в тёмном углу возле стола вспыхнули два зеленоватых огонька. Сердце учащённо забилося, Леру бросило в жар. Она резко распахнула дверь, расширенными от страха глазами таращась в темноту. «Фу ты, чёрт возьми, как же ты меня напугал», – вырвался из груди вздох облегчения при виде большого плюшевого тигра в углу, смиренно смотревшего на Леру круглыми изумрудами блестящих глаз. Она оглядела молчаливый ряд игрушек – Лизы среди них не было. «Наверняка у Алисы в кровати! Как же я сразу не поняла. Она просто перевернулась во сне и случайно нажала кошке на лапку», – догадалась Лера, осторожно ощупывая матрас. Она обшарила всю кровать, осторожно перевернула недовольно засопевшую во сне дочку на другой бок, но нашла у неё под мышкой только маленького мягкого мишку в смешном разноцветном колпачке и с досадой поняла, что Лизы в кровати нет. Лицо спящей дочки казалось одновременно нежным и строгим. Лере вдруг припомнился сегодняшний вечер.

Она сидела на корточках в ванной, сортируя вещи перед стиркой, когда незаметно подкрадываясь Алиса с силой обхватила руками за шею, уткнулась носом в висок и прошептала прямо в ухо:

– Мам, я хочу тебе что-то сказать.

Лера отшатнулась, потирая ухо:

– Алиса, я тебе уже говорила – не надо шипеть в уши, это неприятно. И зачем так подкрадываться? Ты меня напугала. Говори уже, чего хотела...

– Нет, – помотала головой дочь. – Пойдём в комнату. Пожалуйста, мам.

– Ох, ну хорошо, пойдём, – сдалась Лера, вставая. – Я только не понимаю, почему нельзя рассказать всё здесь?

В детской дочь усадила Леру на маленький диванчик и долго смотрела ей прямо в лицо, строго поджав губы и сдвинув брови.

– Ну? И что ты хотела мне сказать? – спросила Лера, но Алиса молча буравила её взглядом.

Лера почувствовала себя подозреваемым на допросе в полиции. Она внезапно фыркнула и затряслась от смеха, глядя на донельзя серьёзного «следователя».

– Ну и не скажу тебе ничего, – обиженно проворчала дочь, отворачиваясь.

– Прости, милая. Я не над тобой смеюсь. Не буду больше, – Лера с трудом удерживалась, чтобы не расхохотаться снова.

Дочь нехотя повернулась, снова долго смотрела на Леру, склонив голову набок и недоверчиво прищурив один глаз. Наконец нагнулась и прошептала в ухо:

– Лиза...

Лера отпрянула и уже открыла рот, чтобы возмутиться тем, что Алиса опять шипит в уши, как в кармане халата зажужжал телефон. На дисплее высветился номер Димы, и Лера облегчённо выдохнула, нажимая кнопку вызова.

– Алло? Дим, долетел? Ты где, в аэропорту ещё?

Весёлый Димин голос кричал в трубку, что всё хорошо, он получает багаж, замечательно долетел, в Екатеринбурге холодно и дождь...

– Мама, папа долетел? Скажи ему, что я его люблю, пусть быстрее там работает и летит обратно, – подпрыгивала рядом дочь, звонким голоском заглушая баритон мужа.

– Подожди, Дим, – Лера отняла трубку от уха и погладила Алису по русым волосам, – Я поговорю с папой, хорошо?

– Хорошо, – легко согласилась та, и Лера вышла из детской.

Больше Алиса не вспоминала о том, что хотела поведать Лере какую-то свою детскую тайну, она тоже напрочь забыла об этом, занятая домашними хлопотами.

– Что же ты хотела сказать мне про Лизу? – задумчиво прошептала Лера, глядя на спящую дочь. Но та только вздохнула во сне и смешно дёрнула носом, ничего не ответив. Лера поправила одеяло и вышла из комнаты, тихо прикрыв дверь. Заглянула во все углы, обойдя квартиру, но Лизы нигде не было. «А ведь я уже несколько дней её не видела», – удивлённо поняла она, – «Раньше Алиса таскала её всюду. С тех пор как Дима привёз эту игрушку. Очень интересно. И куда же она могла подеваться? Может, дочь оставила её в садике? Потеряла? Об этом хотела мне рассказать? Но я же чётко слышала голос. Или мне показалось? Нет, ну я ведь не сумасшедшая...» – растерянно размышляла Лера, стоя в коридоре. Она закрыла глаза и pokrutila головой, пытаясь определить, откуда слышался голос.

К прежним звукам добавился новый – тоненькое позвякивание. Лера открыла глаза и посмотрела в ту сторону, откуда раздавался звон. «Ловушка злых духов» – безделушка, сделанная из полых металлических трубочек и деревянных фигурок, подвешенная над входной дверью, дрожала и раскачивалась. Лера на негнущихся ногах подошла к двери. Овальное зеркало отразило её бледное лицо с расширенными, лихорадочно блестящими глазами и перекошенным ртом. Она подёрнула ручку двери – закрыто. Встала на цыпочки и заглянула в глазок. Бледный свет лампочки заливал пустую лестничную клетку. Лера снова посмотрела в зеркало на своё испуганное лицо, провела рукой по встрёпанным коротким волосам и жалобно сказала своему отражению:

– Да что же это такое? Может, землетрясение? – металлические трубочки над головой по-прежнему тихо позвякивали друг о друга, словно чья-то невидимая рука раскачивала их.

– Мамочка, отрежь мне кусочек пирога... – снова радостно протянул шепелявый детский голосок.

Лера вздрогнула и резко повернулась. Голос звучал из-за закрытой двери ванной комнаты. Холодок пробежал по спине. Лера поплотнее закуталась в палантин, напряженно глядя на коричневый прямоугольник. «Просто возмись за ручку и открой», – шептал ей разум, но истеричный голосок где-то внутри, глубоко в подсознании, кричал, – «Нет, не делай этого!» Лера закрыла глаза, встряхнула головой, пытаясь заглушить противный визгливый тенорок. Решительно щёлкнула выключателем, нажала на ручку, потихоньку потянула на себя. Никого. Отдёрнула шторку и заглянула в ванну. Её белая, поблёскивающая чистым гляncем поверхность была пуста. Разноцветные флакончики с шампунями и бальзамами стояли на своих местах, также, как и дочкины резиновые игрушки для купания. Лизы нигде не было. Лера открыла зеркальный настенный шкафчик, заглянула туда. На узких полочках с запасами мыла, зубных щёток и пасты был полный порядок. К тому же, большая игрушка точно не могла бы там уместиться. Лера покачала головой и захлопнула дверцу.

– Мамочка, отрежь мне кусочек пирога, – громко пропел детский голосок откуда-то снизу.

Лера шарахнулась в сторону, больно ударившись затылком о кафель и раскрывая рот в безмолвном крике. Сердце подскочило и замерло в горле, потом рухнуло вниз и затрепыхалось подстреленной птицей где-то чуть ниже солнечного сплетения. Пересилив страх, она осторожно заглянула под ванну. Лиза лежала там, задвинутая далеко в угол. Лера опасливо смотрела на неё, не решаясь взять. Истеричный голосок в голове визжал на высокой ноте, умоляя не трогать. Лера выдохнула сквозь сжатые до боли зубы, протянула дрожащую руку, двумя пальцами взялась за край жёлтого платья и осторожно потянула к себе. «Она мокрая! Так вот в чём дело. Видимо, где-то замкнуло контакты», – тёплая волна радости растеклась по венам, жаром прилила к вискам. «А я испугалась, дурочка», – Лера нервно хихикнула. «Вот только почему дочка так обошлась со своей любимицей? Нужно будет завтра осторожно выяснить это. Чем так провинилась бедная Лиза, что нужно было прятать её под ванну? Хм... Бедная Лиза. Кошка-утопленница. Карамзин был бы в шоке», – криво усмехнулась Лера, вставая с холодного кафельного пола и выходя в коридор, – «Отнесу её на кухню, пусть сохнет».

Пёс – старенький французский бульдог по имени Бакс, спокойно храпевший на своей лежанке, вдруг вскинул голову, сощурил подслеповатые глаза и угрожающе зарычал, злобно скаля остатки зубов. Лера приостановилась рядом, ласково спросила:

– Что ты, дурашка, страшный сон приснился? Или кошки испугался? Эх ты, глупыш, это всего лишь игрушка, не бойся...

Она протянула руку, чтобы погладить пса по голове. Он вскочил с непривычной, давно забытой резвостью, припал на задние лапы и яростно залаял. Казалось – ещё секунда и он бросится на хозяйку. Но вместо этого жалобно взвизгнул, закрутился волчком, в остервенелом бессилии пытаясь укунить свой хвост. Потом бросился в спальню и забился под диван, тоскливо воя оттуда. Лера отнесла Лизу на кухню, посадила на обеденный стол. Вернулась в спальню, где спрятался пёс от неведомой угрозы.

– Что с тобой, Баксик? – с тревогой спросила она, встав на колени рядом с диваном и опустив голову вровень с полом. Ей ещё ни разу не приходилось видеть пса в таком взвинченном состоянии. Он всегда был довольно флегматичным и добродушным, единственное, что могло заставить его подпрыгивать от радости – маленький яркий мячик. Но в последнее время Бакс совсем разленился и предпочитал мирно дремать на коврике, не обращая внимания на то, что творится рядом, даже на любимый мяч. Она просунула руку под диван. Влажный шершавый язык лизнул протянутую ладонь, пёс виновато заскулил.

– Баксюш, вылезай, ты чего разозлился? – мягко уговаривала Лера, нащупав его лапу и потихоньку вытягивая из убежища.

Он только сопел, но не сопротивлялся. Она уже почти вытащила Бакса наружу, когда из кухни вновь послышался смеющийся тонкий голосок. Бакс захлебнулся в визгливом лае, забился в припадке, словно рыба на крючке, с силой выдернув лапу из руки Леры и окончательно заполз вглубь. Лера зло прищурилась и решительно пошагала на кухню, пробормотав сквозь зубы:

– Кажется, мне начинает это надоедать...

На кухне, в ящике под мойкой, Дима хранил чемоданчик с инструментами. Отсек с батарейками оказался у Лизы на спине, под жёлтым платьем. Крышка держалась на четырёх болтиках. Лера вытащила несколько отвёрток, пытаясь открутить крепления, но прорези на их шляпках оказались слишком тонкими и маленькими, ни одна отвёртка не подходила. «И что же делать? Дурацкая игрушка так и будет пугать меня и собаку всю ночь? Не хватало ещё, чтобы проснулась Алиса», – раздражённо думала Лера, скользя взглядом по длинной столешнице со стоящими на ней разноцветными банками для круп и специй, деревянной подставке для ножей... – «Точно, нож подойдет!» – мелькнуло в голове. Она вытащила из подставки нож с длинным тонким лезвием, с трудом открутила тугие неподатливые болты. Достала три круглые проржавевшие батарейки, выбросила их в мусорное ведро.

– Поговори теперь у меня, чёртова кошка, – мстительно произнесла Лера. Она всё ещё ощущала нервное возбуждение, руки немного подрагивали, щёки горели, сердце учащённо билось, кровь шумела в висках. «Работать я уже точно не смогу, – с сожалением вздохнула она, – И уснуть тоже вряд ли». Проглотила две таблетки снотворного, запив тёплым чаем. Заглянула в мойку – там лежала лишь одна чашка. Лера тщательно помыла её, поставила в сушилку. Протёрла шкафчики, напоследок ещё раз прошла губкой по раковине и почувствовала, что немного успокоилась. Звук льющейся воды и однообразные круговые движения всегда действовали на неё умиротворяюще. «Лучший способ успокоиться – помыть посуду. Надо запатентовать эту идею. Кухонная психотерапия от Валерии Черненко – ищите на просторах интернета», – Лера ухмыльнулась и покачала головой – чего только не взбредёт в голову ночью. Вытерла руки и вышла из кухни, всё ещё улыбаясь.

– Mamochka, отрежь мне кусочек пирога... – ехидно пропел детский голосок за спиной.

Лера резко остановилась и застыла на месте. Страх налетел с новой безудержной силой, накрывая разум и тело тёмными крыльями. Спина покрылась ледяным потом, воздух застыл в лёгких. В голове вихрем пронеслось множество разных мыслей:

– «Этого не может быть. Я вынула батарейки из отсека десять минут назад собственными руками. Кажется, бывает остаточное электричество, или, возможно, в игрушке существует дополнительный источник питания...» – твердил голос разума.

«Не оборачивайся, просто уходи. Вспомни библейскую притчу о жене Лота. Или Гоголевского Хому Брута. Не смотри назад!» – вкрадчиво шептал другой, дрожащий от страха голосок.

«Нет, это глупости и сказки, я у себя дома. Нужно обернуться и посмотреть. Ну же, не будь трусихой, Лера. Это просто запасные батарейки остались где-то в её теле...» – с этой мыслью она медленно повернулась.

Лиза сидела там же, где она её оставила – на краю стола. Но что-то в ней изменилось. Стало не таким как прежде. От взгляда чёрных глаз по телу поползли холодные колючие мурашки. «Чёрные глаза?» – Лера вдруг с изумлением поняла, отчего круглая мордочка Лизы кажется такой странной. Даже пугающей. Прежде её глаза были обычными – кукольными, больше похожими на человеческие, а не на кошачьи, сделанными из блестящего акрила, с нежно-голубым, как у дочери, цветом радужки, круглыми маленькими зрачками и длинными ресницами. Сейчас их полностью заполнила чернота, похожая на чернильные кляксы, расплывшиеся по глянцевой поверхности. Лишь по краям белков оставалась едва заметная светло-серая размытая кайма. Лера глубоко вдохнула, зажмурилась и потрясла головой.

«Кажется, я схожу с ума», – вспыхнула в мозгу обжигающая мысль. Лера с отчаянием в упор взглянула на маленькую кошачью мордочку, с затаённой надеждой, что она вновь станет прежней. Ничего не изменилось. Чёрные глаза пристально смотрели на Леру. В уголках маленьких розовых губок казалось, таится злая усмешка.

– Всему этому есть логическое объяснение. В игрушку вставлен дополнительный источник питания, а глаза раскрасила Алиса, она мастер на такие дела, – медленно и твёрдо произнесла Лера вслух, не отводя взгляда от круглой мордочки с заострённым подбородком, изо всех сил пытаясь сохранить остатки самообладания.

Внутри Лизы что-то щёлкнуло, она дёрнулась всем телом, и вместо прежних слов о пироге захихикала скрипучим механическим смехом, вовсе не похожим на прежний. Ему вторил металлический звон «ловушки» от входной двери. Лера попятилась, не в силах больше сдерживать дрожащий внутри ужас, криком рвущийся наружу. Зажав руками уши, забежала в комнату, где спала дочка и закрыла дверь изнутри на задвижку трясущимися руками, всхлипывая и поскуливая сквозь крепко сжатые зубы.

«Только бы не разбудить Алису. Этого нет, мне кажется, я засиделась за работой и у меня начались глюки. Я просто перенервничала сегодня. У меня слабая нервная система – не даром мне говорил врач. Нужно больше отдыхать. Это пройдёт. Завтра. Мне нужно лечь спать. Утро вечера мудренее – права древняя поговорка. Всё пройдёт завтра. Просто нужно лечь. Нужно спать...» – повторяла она как заклинание. Снотворное понемногу начинало действовать – веки потяжелели, закружилась голова. Лера прилегла на маленький диванчик возле дочкиной кровати, подтянув ноги к животу. В ушах по-прежнему звучал противный скрипучий смех и звон металлических трубочек «ловушки», бьющихся друг о друга. Она нащупала рукой маленькую диванную подушку, натянула на голову и прижала рукой сверху, чтобы заглушить навязчивые звуки. Сквозь сонную пелену голос дочери вдруг прошептал: «Лиза». Перед глазами возникла хмурая Алиса, желающая сообщить нечто важное. В следующую секунду картинка погасла. Лера крепко спала, не слыша завываний и отчаянного лая пса.

Глава 2 Что случилось с Баксом?

Утреннюю тишину прервал отчаянный крик дочери. Лера резко села и тут же рухнула вниз, больно ударилась коленями и копчиком о пол. Она с удивлением обнаружила, что сидит в дочкиной комнате, возле маленького диванчика. Пронзительный визг врывался через распахнутую дверь откуда-то из коридора. Сердце сжалось от воспоминания о чёрных пугающих глазах Лизы, в ушах зазвучал металлический звон «ловушки». Лера вскочила и бросилась на крик. Дочь стояла посреди коридора и визжала на одной высокой ноте, не сводя глаз с какой-то кучи, лежавшей рядом с ней. Лера схватила Алису на руки, бросила взгляд вниз, и сама едва удержалась, чтобы не заорать от ужаса. Возле ног в луже крови лежал Бакс. Из его груди торчала рукоятка ножа. Это был тот самый нож с тонким длинным лезвием, который она доставала ночью, чтобы выкрутить болтики. «Кажется, я забыла его на столе рядом с Лизой. Или убрала?» – Лера никак не могла вспомнить, с досадой кусая губы. Почему-то это казалось ей важным сейчас. – «Я посадила игрушку обратно, выбросила батарейки в ведро и больше не подходила к столу. Точно, забыла...» Она унесла в комнату рыдающую дочь и попыталась успокоить. Крик постепенно перешёл в истерический плач.

– Мама, кто это сделал? Баксик что, умер? Мама, кто это мог сделать? – повторяла сквозь рыдания Алиса.

– Доченька, милая, я вчера взяла этот ножик и не положила на место. Видимо, он упал со стола, Бакс напоролся на него ночью. Ты же знаешь, он старенький и неповоротливый. Он сейчас в собачьем раю, ему там хорошо. Он встретит там своих маму и папу, дедушек, бабушек, – Лера уговаривала дочку, ласково поглаживая по голове, качая на коленях, как младенца и напряжённо думала – «Ещё осталось саму себя убедить в том, что это несчастный случай. Даже если я оставила нож – не понимаю, как он мог упасть со стола и убить пса? Невероятно» – она снова почувствовала мелкую противную дрожь внутри, вспомнив о минувшей ночи.

– Мама, значит это ты виновата, что Бакс умер? Как ты могла? – тихо спросила Алиса, крепко сцепившись обеими руками в майку Леры и уткнувшись мокрым от слёз лицом ей в плечо.

– Дочь, я просто забыла положить ножик на место. Стечение обстоятельств. Окно было открыто, подул ветер, и нож упал. Никто не виноват, так бывает. Я не знала и не думала, что так получится. Это несчастный случай, понимаешь?

– Я не хочу больше смотреть на Бакса. Он мне такой совсем не нравится. Я его даже боюсь, – прошептала дочь, испуганно оглядываясь. – Он стал плохой... некрасивый...

– Может быть, пойдём в гости, Лисочка? – спросила Лера, нежно поглаживая девочку по голове и крепко прижимая к себе.

– Хорошо. А куда мы пойдём? – Алиса всё ещё судорожно всхлипывала, сотрясаясь всем телом.

– К тётке Кате. Ты же любишь ходить к ней в гости.

– Да, я хочу к тётке Кате. Вот только как мы пройдем? Там же... он... – Алиса бросила испуганный взгляд в сторону коридора, а затем умоляюще посмотрела на мать. – Я не могу идти там... Мимо этого...

– Давай ты закроешь глазки ладошками, я возьму тебя на руки. Мы быстро побежим в ванную, умоемся. Потом ты снова закроешь глазки, мы снова пробежим обратно к тебе в комнату и оденемся. Соберём нужные вещи, ты возьмёшь с собой всё, что захочешь. Потом вновь сильно – сильно зажмуришься, прыгнешь мне на руки, мы выйдем и пойдём к тётке Кате, хорошо? – Лера с нежностью поцеловала дочь, вытирая слёзы с её покрасневшего грустного лица.

Алиса неуверенно кивнула, всхлипывая. Они быстро умылись и оделись. Лера побросала свои и дочкины вещи в большую спортивную сумку, понимая, что вернуться сегодня домой не сможет. «Без Димы я больше не могу здесь оставаться. Ещё одну такую ночь я не переживу. Сойду с ума. Или я уже сошла?» – она нервно фыркнула и потрясла головой, стараясь избавиться от мыслей о том, что случилось с собакой, и как это может быть связано с отвратительной Лизой. Однако они пробивались вопреки её желанию, отчего противная внутренняя дрожь распространилась по всему телу. Тряслись руки, стучали зубы. Лера закинула сумку на плечо, подхватила на руки Алису, которая сразу испуганно с силой вдавила лицо ей в грудь, и быстро пошла к выходу, мимо маленького жалкого тела мёртвого Бакса и открытой двери на кухню. Лера чувствовала быстрый лёгкий стук сердца дочери, слышала её прерывистое от слёз дыхание. Кошка по-прежнему сидела на столе, освещённая утренним солнцем, бившим сквозь полуоткрытые жалюзи. Лера приостановилась, глядя на маленькую фигурку, неуверенно шагнула в сторону кухни, прищутив веки и приглядываясь. Мордочка Лизы казалась тёмным размытым пятном в ярком свете, невозможно было рассмотреть её черты, цвет глаз. Но что-то не так было с её одеждой – ярко-жёлтым платицем. На нём появились какие-то странные пятна, словно кто-то ночью разрисовал его. Ноги Леры задрожали, а сердце чуть не выскочило из груди. Она попятилась к двери – платье на игрушке было забрызгано кровью...

Лера не помнила, как выбежала из дома. Солнце заливало двор ослепительным светом, дул весенний тёплый ветерок. Лера осторожно опустила Алису на землю, присела рядом на корточки.

– Ну что, милая, идём к тёте Кате? – вымученно улыбнулась она дочери.

– Да, мама. Идём, – безучастно ответила та, опустив глаза вниз.

Лера крепко взяла дочь за руку и устремилась прочь, спиной ощущая чёрный пристальный взгляд. Она нервно оглянулась, бросила взгляд на бликующие от солнца окна квартиры и почти побежала со двора на улицу, таща за собой Алису. Там с трудом отдышалась и немного успокоилась, глядя на привычную городскую суету. Вокруг, как и всегда, гудели машины, люди шли кто куда, разговаривали и смеялись. Ночной кошмар стал казаться далёким и иллюзорным.

Только мысль о мёртвом Баксе сводила с ума. Его смерть была реальной и не вызывала сомнений. Бедный старый пёс, кто или что убило его? Нахлынули воспоминания о четвероногом верном друге, слёзы потекли из глаз, оставляя на щеках мокрые дорожки. Перед глазами вставали картины прошлого:

Они с Димой только познакомились тогда, он ухаживал за Лерой, изо всех сил пытался развлечь, удивить, понравиться – приглашал в рестораны, дарил цветы. Лера как-то сказала ему, что давно мечтает завести домашнего питомца. Ей безумно нравились французские бульдоги – смешные, немного неуклюжие, но такие симпатичные собаки, с большими всегда грустными глазами на складчатой мордочке. И Дима решил сделать ей сюрприз, подарив щенка этой породы. Лера вспомнила довольного Диму, рядом с которым семенил тонкими лапками маленький толстенький щенок на длинном поводке. Свой восторженный визг:

– Какой хорошенький! Лапочка маленький. Самый-самый красивый пёсик! Самый лучший!

– Как новый доллар! – усмехнулся Дима. – Бакс...

– Точно! Баксик! Спасибо, Дим! Классная кличка! – Лера поцеловала щенка в мягкий плюшевый лоб.

Бакс жил с ней больше трёх лет и был для неё, как ребёнок. Потом они с Димой поженились, она переехала из квартиры родителей, где жила со старшей сестрой Катей, к мужу. Пёс долго привыкал к новому месту обитания и каждый раз вопросительно лаял, когда Катя приходила в гости, словно спрашивая: «Ну, когда мы уже вернёмся обратно домой, а?» Радостно

подпрыгивал, когда Лера приводила его гости к Кате, смешно упирался на пороге, не желая уходить. Но постепенно свыкся с новым домом. Затем родилась Алиса. Лере тут же припомнился забавный недоумённый вид Бакса, обнюхивающего странный кулёк, что принесли хозяйка. Через год они с маленькой Алисой уже бегали наперегонки за мячиком. Бакс неизменно побеждал – утаскивал мяч в угол и с наслаждением мусолил, с победным видом поглядывая на плачущую от огорчения Алису. Прошло совсем немного времени – и уже подросшая дочь ловко уводила вожделенный мяч из-под носа Бакса, радостно хохоча, а пёс обиженно скулил. В последние пару лет он сильно сдал и уже не принимал участия в шумных играх. Только лежал и подвывал, забавно дёргая лапами, когда дочь дразнила его, подкидывая горячо любимый им мячик. Лера вспомнила, как пёс истерично выл ночью. Сердце снова сжалось от страха. «Он чувствовал... Но что? Свою смерть? Его убила... игрушка? Боже мой. Я схожу с ума...» – думала Лера с отчаянием.

Она ловила на себе пристальные взгляды прохожих, в которых сквозили любопытство, недоумение, сочувствие. Пыталась успокоиться, но снова сотрясалась от едва сдерживаемых беззвучных рыданий. Алиса молча шагала рядом, больно сжимая руку Леры своей маленькой ладошкой. До дома сестры можно было доехать на автобусе пару остановок, а можно было пойти пешком, немного срезав путь. «Нет, я не могу сейчас ехать в автобусе, боюсь, что разрешу окончательно, если кто-нибудь что-то спросит. Дойдём пешком, и Алиса вроде бы успокоилась. Бедная моя девочка...», – Лера свернула на знакомую тропинку, ведущую к дому сестры через дворы и гаражи, с острой жалостью взглянув на заплаканное хмурое лицо дочки.

В памяти вдруг возникло серьёзное лицо Алисы, внимательный взгляд голубых глаз из-под ресниц:

– Мама, а почему в сказках все умирают? Значит, вы с папой и Бакс тоже умрёте?

Дочь неожиданно задала этот вопрос вчера вечером, уже лёжа в постели, умытая и одетая в уютную фланелевую пижаму с нарисованными на ней жёлтыми цыплятами.

Лера немного растерялась – вопрос застал её врасплох, хотя она предполагала, что дочь когда-нибудь заинтересуется смертью и тем, что с ней связано – все дети рано или поздно спрашивают об этом. Но думала, что это случится нескоро.

– Кто умирает в сказках, Алиса? Ты что-то путаешь... – мягко ответила она.

– Ну там всегда говорят – «Они жили. Потом все умерли...» – нахмурилась дочь, по-прежнему не отводя внимательного взгляда от лица Леры, словно выискивая в его выражении ответ. Лера невольно улыбнулась тому, как дочь смешно произнесла это пугающее слово «умерли» – сделав ударение на последнем слого. Но та пристально смотрела на неё, и Лера постаралась придать лицу серьёзный вид.

– Милая моя, ты кое-что упускаешь. В сказках говорится – «Они жили долго и счастливо». Понимаешь? Жили! Мы с папой совсем молодые и тоже будем жить очень долго и счастливо, как в сказках. А ты наша маленькая принцесса... – Лера погладила дочь по волосам.

– А Бакс? – задумчиво прищурилась Алиса. – Он же старый. Значит, он скоро умрёт?

– Нет, что ты. Мы же следим за его здоровьем, водим к «собачьему» доктору, правильно кормим, лечим и даём витамины, – ответила Лера, подавив вздох и подумав о том, что пёс и в самом деле очень сдал в последнее время и действительно вскоре может умереть. Таблеток от старости, к сожалению, никто не придумал. Но Алисе не нужно пока знать об этом. Всему своё время. Проблемы нужно решать по мере поступления...

– Значит, вы с папой и Бакс не умрёте? Обещаешь, мам? – дочь рывком приподнялась на постели и с силой обхватила Леру руками.

– Ну конечно, нет. Я обещаю, – тихо произнесла Лера и Алиса, казалось, полностью успокоилась, услышав этот ответ.

«Господи, почему она расспрашивала об этом вчера? Словно что-то предчувствовала». – Лера снова покосилась на хмурое лицо дочки с поджатыми губами и пустым взглядом.

– Вот, милая, мы уже почти дошли, – нараспев сказала Лера дочке, но та даже не повернула головы, только снова горько всхлипнула.

Катя, старшая сестра Леры, жила одна в их общей квартире, оставшейся от родителей. Она никогда не выходила замуж, да и не стремилась. В её жизни были мужчины, но связывать с кем-либо свою жизнь сестра категорически не хотела, пресекая все разговоры на эту тему. Особенно наседали порой их тётка Люба. Называла Катю «старой девой», обещала в кратчайшие сроки найти сестре «хорошего мужа» и призывающая «рожать детей, пока не поздно».

– Спасибо, тётъ Люба. Я лучше собачку заведу, – неизменно отвечала Катя со смехом, на все попытки тётки выдать её замуж.

– Ну молодец, что говорить. Сама не удосужилась детей нарожать, а меня агитирует, – беззлобно хихикала Катя, когда тётки Любы не было рядом.

Однако единственную племянницу Катя обожала и баловала порой больше родителей. Сёстры любили друг друга, всегда и во всём поддерживали. Лера никогда не лезла к Кате с советами насчёт личной жизни, в отличие от тётки. Она знала, что сестра будет совсем не против того, чтобы они с Алисой пожилы у неё немного, будет даже рада этому. «До тех пор, пока Дима не приедет из командировки», – решила Лера, нажимая на кнопку звонка.

– Привет... Вы чего в такую рань? Я ещё валяюсь в кровати... – сонно протянула Катя, открывая дверь в пижаме и прищулив один глаз. – Ну заходите, раз пришли...

– Прости, Катюш, если не вовремя... – пробормотала Лера.

Катя удивлённо заглянула ей в лицо:

– Что с тобой, Лерочка? Ты плакала? Бледная такая... Что случилось?

– Случилось, Кать, случилось. Только пожалуйста, давай позже, я тебе всё расскажу, – Лера глазами показала на нахмуренную Алису. – Не хочу говорить при ней...

Катя растерянно кивнула и склонилась над племянницей, помогая ей раздеться, и переводя недоумевающий взгляд с заплаканного нахмуренного лица племянницы на бледную Леру, застывшую возле входной двери с тяжёлой сумкой на плече.

– Ты чего, с Димой поссорилась? – спросила Катя и затормошила племянницу, ласково потрепала по волосам. – Эй, Алиска-редиска, ты почему такая невесёлая?

Алиса молчала, опустив глаза вниз и не шевелилась.

– Боже мой, что с Алисой? Она на себя не похожа, – испуганно прошептала Катя, пристально взглянув на Леру. – Что вообще происходит? Лера, ну скажи хоть что-нибудь?

– Позже, Кать, – отмахнулась Лера. – Подожди немного, я всё тебе расскажу.

Взяла Алису за руку, отвела в гостиную. Усадила за большой круглый стол напротив телевизора. Покопалась в сумке, вытащила оттуда карандаши и пачку альбомных листов, положила перед Алисой – она любила рисовать и одновременно смотреть мультики. Лера нашла пульт, полистала каналы.

– Алис, смотри – твои любимые Барбоскины! – обрадованно воскликнула она и повернулась к дочке. Та сидела, положив голову на руки, пустым равнодушным взглядом уставившись в экран.

– Карандашики вот, рисуй. Если что – зови, я на кухне с тётей Катей. Хорошо? – Лера поцеловала дочь в макушку и на цыпочках вышла из комнаты, так и не дождавшись ответа...

Она рассказала Кате всё, что произошло. Медленно, порой запинаясь, стараясь не упустить ни одной детали, жалобно глядя на Катю. Начиная с отъезда Димы, до того, как без оглядки сбежала из собственной квартиры сегодня утром. Сестра слушала не перебивая. Только карие выпуклые глаза, похожие на Лерины, округлились ещё больше. Катя втянула голову в плечи, приоткрыла рот, нервно взъерошила чёлку. Сейчас она чем-то неуловимо напоминала удивлённую сову. Лера закончила рассказ. Вопросительно взглянула на сестру. Но та

молчала, замерев на краю табуретки, только моргая большими глазами, ещё больше став похожей на озадаченную ночную птицу.

– Наверное, ты думаешь, что я сошла с ума, – вздохнула Лера, – Мне уже и самой так кажется. Но Бакс... Он действительно лежит на полу в коридоре. Мёртвый, с ножом в груди. Алиса нашла его первая. Для неё это страшный удар. Она так рыдала, а сейчас словно неживая. Ни разу не видела её такой. Ты же знаешь, Кать, какая она впечатлительная. К тому же она так любила Бакса. Выросла вместе с ним... – Лера всхлипнула, по щекам снова потекли слёзы.

– Не плачь, сестрёнка, – Катя наконец отмерла, вскочила с табуретки и прижала Лерину голову к груди, поглаживая по волосам. – Ничего такого я не думаю. Вернее, не знаю даже, что и думать... Короче – я тебе верю. Но не понимаю, что посоветовать. Может, попозже что надумаю. А пока одно могу тебе сказать точно – что бы там ни было, я бы одна туда шагу не ступила. Да ну, у меня тоже нервы слабые. Может, вызвать полицию?

– И что я им скажу? – криво усмехнулась Лера. – Товарищи полицейские, дочкина игрушка взбесилась и прирезала нашего пса? Класс! Место в психушке мне будет обеспечено. Я даже Диме не знаю, как рассказать. Ты же знаешь – он реалист до мозга костей. Скажет, что у меня разыгралось воображение, и всё такое.

– Но как же Бакс? Кто-то ведь убил его? Может этот кто-то всё так подстроил, чтобы напугать тебя?

– Зачем? Кому это нужно? И как это возможно? Мы живём на четвёртом этаже девятиэтажки! Дверь была закрыта изнутри. Мы с Алисой были дома одни. Это точно. Я же обшарила всю квартиру, когда искала эту мерзкую Лизу. Не знаю, я уже ничего не знаю. Не понимаю... – с отчаянием прошептала Лера.

Алиса неподвижно сидела перед телевизором, хмуро глядя на мелькающие разноцветные фигурки на экране.

– Лиза, Лиза! Ну? Я кому говорю?! Ли – за! – выкрикнул писклявый голос из динамиков. Девочка вздрогнула всем телом, испуганно огляделась. Пару минут смотрела в экран, поджав губы, словно припоминая что-то. Затем протянула руку, придвинула к себе яркую картонную коробочку. Немного подумав, вытащила оттуда несколько карандашей и начала рисовать, с силой сжимая карандаш пальцами...

Лера прислушалась к тонким детским голосам, доносящимся из соседней комнаты:

– Катюш, я пойду проверю, как там Алиса...

Заглянула туда и облегчённо выдохнула. Дочь с увлечением водила карандашом по бумаге, низко нагнув голову и высунув от усердия кончик языка.

– Солнышко моё, ты рисуешь, – обрадованно воскликнула Лера, подходя. – Милая моя... – слова застыли в горле. На листе бумаги была изображена Лиза. Лера узнала её по треугольному жёлтому платицу с полукруглыми карманами и коричневым башмачкам. Но вместо круглой кошачьей мордочки с заострённым подбородком дочь нарисовала странное вытянутое лицо с чёрными кругами глаз, поразительно похожими на те, что так напугали Леру ночью. У неё даже дыхание перехватило на миг от пугающего сходства. Рот Алиса изобразила широким и кроваво-красным, как открытая рана, перечеркнув его в нескольких местах чёрным карандашом.

– Неужели это Лиза, доченька? Но почему она так выглядит? – сглотнув комок в горле, хрипло спросила Лера.

Алиса подняла голову, смерила мать долгим серьёзным взглядом и ответила шёпотом:

– Нет. Теперь это не Лиза. Её зовут Анжела. Она злая, я не люблю её. Мне хочется, чтобы она ушла обратно. Но Анжела сказала, что останется здесь навсегда, что я должна её слушаться или она сделает что-то плохое. Тебе или папе... Не хочу больше с ней дружить.

– А почему у неё такой рот? – тоже прошептала ошеломлённая Лера.

– Он зашит. Анжела сказала – так нужно, чтобы переродиться.

– Но откуда она взялась, эта Анжела? И что значит – переродиться?

– Она долго спала. Там, куда мы ездили с бабой Любой, а я её разбудила. И теперь должна всегда быть с ней. «Мы одно целое» – так она сказала...

Алиса сердито сдвинула брови, опустила взгляд вниз и снова взялась за карандаш, с силой вода по бумаге.

– Алисушка, – негромко позвала Лера. – А что у твоей Лизы – Анжелы с глазами? Отчего они такие... чёрные?

Но дочь ещё сильнее нахмурилась, раздражённо мотнула головой, проворчала под нос:

– Не хочу больше ничего говорить...

Сжала губы и отвернулась. На дочь иногда нападали приступы упрямства, и Лера поняла, что сейчас как раз именно этот случай – бесполезно дальше расспрашивать Алису. Лера растерянно смотрела, как на белом листе над овалом нарисованного лица появляются чёрные волосы, похожие на пружины. Руку сдавила чья-то ладонь. Лера резко обернулась, увидела рядом бледное лицо Катерины. Карие глаза испуганно смотрели на Леру.

– Я всё слышала, – прошептала Катя прямо в ухо. – Прошлый вторник... Вспомни прошлый вторник, Лерочка. Могила, на которой играла Алиса. Помнишь?

Воспоминания обрывками пронеслись в голове:

Прошлый вторник. Радунца. Люба, их с сестрой единственная родная тётка, попросила Катю найти водителя с машиной, повозить их по кладбищам, навестить могилки родственников. Как назло, в садике отключили воду, и Алиса осталась дома. Лера не хотела брать дочь на кладбище, решив никуда не ехать. Тётка Люба ужасно рассердилась, узнав об этом. «Как это, останешься дома? Не с кем оставить Алису? Да ей в школу идти через год. Большая девчонка, ничего с ней не случится. Ты понимаешь, что обязана поехать? Там твои родные, Лера!» – бушевала она, патетически вскинув руки и закатывая глаза. Тётка в последние годы стала очень набожной, старалась соблюдать все православные посты и обряды. Ещё она была заядлой театралкой, и сама не замечала порой, что копирует трагические сцены – правда, не всегда к месту. На все объяснения Леры, что дочь и так нервная, впечатлительная, ей ни к чему смотреть на могилы умерших людей – тётка только фыркала, оскорблённо поджимала губы и снова возводила глаза вверх, видимо, изображая невинную жертву одной из многочисленных трагических пьес, так любимых тёткой. По её упрямому виду Лера поняла – если она не уступит, тётка будет долго расстраиваться и припоминать племяннице отказ. И она всё же согласилась, хотя ей очень не нравилась вся эта затея. Собрала дочери побольше игрушек, книжек для раскрашивания, чтобы ей было чем заняться – и они поехали. Почти весь день Алиса послушно сидела в машине – играла, рисовала, пока они втроём убирали могилы. Это кладбище было самым последним в тёткином замысловатом маршруте. Старое, наполовину заброшенное, здесь уже мало кого хоронили. В деревеньке поблизости почти не осталось жителей, только несколько стариков доживали свой век в покосившихся от старости избушках. Алиса закапризничала. Сказала, что устала сидеть в машине и попросилась немного погулять. Лера со вздохом отпустила дочь. Та взяла с собой свою любимую Лизу и бродила между оград, рассматривая памятники, пока они с сестрой и тёткой наводили порядок на могилке родственника. Вдруг Алиса пропала из виду. Посмотрев по сторонам, Лера заметила её неподалёку. Дочка играла возле памятника, вокруг которого не было ограды. Она посадила Лизу на заросший травой еле заметный могильный холмик, а сама кружилась возле него, что-то напевая. Алисе строго-настрого было запрещено подходить к чужим могилам, заходить в оградки. Лера суровым тоном позвала дочь:

– Алиса, немедленно выйди оттуда!

– Мам, но здесь же нет забора! – недовольно ответила девочка и отвернулась.

Лера ещё раз позвала, но Алиса отчего-то заупрямилась и не уходила.

– Сейчас, Лер, я её заберу оттуда, – сказала Катя.

Она подошла к племяннице, обняла, что-то со смехом сказала. Алиса тоже рассмеялась, подхватила игрушку с земли, протянула тётке руку, и они вдвоём направились к машине. Больше Алиса не выходила до самого дома.

Катя по-прежнему с силой сжимала руку сестры. Костяшки её пальцев побелели. Она в упор смотрела на Леру широко распахнутыми блестящими глазами:

– Вспомнила?

Лера кивнула. Катя быстро зашептала, задышавшись от волнения, не отводя тревожного взгляда, больно сжимая ладонь:

– Я тогда посмотрела на тот памятник. Он мне показался очень странным. Просто деревянный брусок, даже не крест, без фотографии. Только едва заметная надпись, еле разобрала. Похоронена женщина. И я почему-то очень хорошо запомнила её фамилию и имя. До сих пор стоят перед глазами, – сестра замолчала.

– Как её звали? Ну, Кать, не тяни! – Лера вдруг поняла, какое имя произнесёт сейчас сестра и почувствовала холодок внутри от этой догадки, но в глубине души всё же надеялась, что предчувствия её обманут.

– Анжела Олеговна Райхерт. Вот что было написано на памятнике, – дрожащим голосом ответила Катя.

Лера смотрела на взволнованное лицо сестры, её тонкие сжатые губы, потемневшие глаза и не могла поверить, что она всё же произнесла это имя вслух. В таком совпадении крылось нечто нереальное. Жуткое. Лера невольно передёрнула плечами и прошептала в ответ:

– Анжела. Не может быть, чтобы... Кать, это просто какое-то совпадение. Я не верю.

– Не знаю... – пожала плечами Катя и покосилась на увлечённо скрипящую карандашом Алису. – Наверное, она могла и прочитать это имя? Там, на кладбище. Она же знает буквы?

Лера задумалась. Она давно учила дочь считать и читать. И если со счётом всё получалось неплохо, то с чтением были большие проблемы. Алиса давно знала все буквы, но с трудом складывала их в слоги и не понимала смысла даже простых прочитанных слов. Лера долго билась, пытаясь научить дочь, пока её приятельница – логопед со стажем, не сказала, что так бывает – просто ещё не созрели какие-то отделы мозга, велела отстать и не мучить ребёнка. Всё придёт, но немного попозже – уверяла она. И Лера поверила. Но теперь её терзали сомнения – что, если дочь наконец доросла до чтения и всё же сумела прочитать слова на памятнике и запомнить?

Оглушительный звонок городского телефона заставил обеих сестёр вздрогнуть. Катя взяла трубку, приложила к уху и передала её Лере, одними губами прошептав:

– Дима. Потерял тебя...

– Лера, что случилось? Куда ты пропала? С самого утра не могу дозвониться ни на городской, ни на мобильный, – раздался в трубке встревоженный Димин голос.

Он был таким родным, уверенным и надёжным, как и сам Дима. Лера зажмурилась, чтобы не расплакаться. Образ мужа возник перед глазами. Она явственно увидела тёплый внимательный взгляд серых глаз. Рыдания сдавили горло. Как ни старалась сдержаться, Лера разрыдалась в трубку, не в силах произнести ни слова, только судорожно всхлипывая и постанывая.

– Лерочка, девочка моя, ну что с тобой? Почему ты плачешь? Успокойся, милая, всё будет хорошо. Я с тобой, – хриловатый заботливый голос Димы обволакивал, как тёплое одеяло, согревал и успокаивал. Спазм, сжимающий горло, немного ослаб. Лера с трудом проговорила:

– Дим, у нас тут кое-что произошло. Дома. Мы пока поживём у Кати. Ты ведь не против?

– Ну конечно же, нет. Когда я был против? А что произошло? С Алисой всё в порядке? Ну не молчи, Лера, я начинаю нервничать. Что случилось? Нас затопили соседи? Отключили электричество? Или что? – настойчиво спрашивал Дима

– Кто-то убил Бакса, – наконец прошептала Лера. – Сегодня ночью. Алиса нашла его утром в коридоре мёртвым и жутко напугалась.

– Что? – голос Димы стал испуганным. – Как это произошло? Как убили? Отравили? Кто-то залез к нам в дом?

– Как убили... Ножом – из груди торчит рукоятка. Насчёт остального не знаю. Всё было закрыто, в доме кроме нас с Алисой вряд ли кто-то мог быть. Если только домовой, – она нервно фыркнула. – Я не знаю, Дима... Мне мерещилась какая-то чертовщина. Сначала эта игрушка. Ловушка... Потом пёс... – Лера запнулась, не зная, как объяснить мужу то, что видела ночью.

– Стоп. Лера, объясни всё по порядку. Какая игрушка? Какая ловушка? Ты о чём вообще?

– Алисина Лиза. Та, которую ты привёз ей недавно. Она так напугала меня этой ночью. Представляешь, она вдруг заговорила. Сама...

– Ну Лера. Ты как ребёнок. Чего напугалась? Замкнуло контакты, вот и всё. Так бывает. Я понимаю – ты далека от всего этого. Но нельзя же быть такой наивной трусишкой. Нужно было достать батарейки, дело одной минуты... – назидательным тоном произнёс муж. – А что за ловушка?

– В том то и дело, Дим. Я достала батарейки, понимаешь! Достала! – Лера произнесла последнее слово по слогам, чтобы убедить Диму, который скептически хмыкнул в трубку. – Как ты думаешь, откуда взялся этот нож? Я откручивала им болтики на крышке – там, где были эти паршивые батарейки. И выбросила их в мусорное ведро! Нож забыла на столе. А Лиза всё равно говорила... Он почему-то повторяла всего одну фразу: – «Мамочка, отрежь мне кусочек пирога». Потом так противно захихикала... Она словно смеялась надо мной! Как вспомню – мороз по коже. У неё был такой жуткий взгляд. И ещё «ловушка злых духов» – та подвеска, что над входной дверью – она качалась и звенела, словно... словно кто-то невидимый толкал её. Я испугалась и закрылась в комнате. А утром... Бакс... – Лера снова начала всхлипывать.

– Ты говоришь – ночью, – внезапно спросил Дима. – А почему ты не спала?

– Ну-у-у. Я работала... – жалобно ответила Лера. – Подкинули срочный заказ...

– Понятно... – протянул Дима. – Сколько раз я тебе говорил – не засиживайся долго за работой. Особенно по ночам.

– Да причём здесь это, – Лера начала злиться. – Понимаю, к чему ты клонишь, но мне это не приснилось! Не показалось! И пёс лежит мёртвый! Это тоже не сон! – задыхаясь, выкрикнула она.

Дим какое-то время помолчал, а потом заговорил ласковым монотонным голосом. Таким обычно разговаривают с маленькими детьми или сумасшедшими:

– Не нервничай, не кричи, Лерочка. Я тебе верю, верю. Выпей какие -нибудь таблетки... успокоительные. Забудь всё, что было. Не вспоминай. К чему тебе тревожиться лишней раз? Зачем тебе эти заказы, мозги ломать за три копейки? Разве я мало зарабатываю? – Лера недовольно скривилась, – «Ну вот, начинается. Оседлал любимого конька», – муж заводил эти разговоры всякий раз, когда видел её за работой. И теперь он, похоже, приобрёл новый аргумент против Лериных подработок.

– Ну ты же знаешь, Дим. Дело не в деньгах. Просто мне нравится это... – вздохнула Лера.

– Ну так и пиши в удовольствие. Днём, а не по ночам, когда нужно отдыхать, – отрезал Дима. – Так что с Алисой? Она сильно испугалась?

– Сидит. Рисует, – вздохнула Лера, решив больше ничего не рассказывать пока мужу о разговоре с сестрой и словах Алисы. – Я сказала ей, что нож упал со стола и Бакс случайно напоролся на него.

– И она поверила? Хотя... Возможно, именно так всё и случилось, – задумчиво произнёс муж.

– Не знаю. Может быть.

– Ну хорошо, – облегчённо выдохнул он. – Успокойся, не терзай себя. Это просто несчастный случай. Забудь.

– Как забыть? Дима! Там, дома – лежит мёртвый пёс! Ещё немного – он начёт разлагаться, будет запах. Не знаю, что делать. Ты улетел. Как всегда, оставил нас здесь одних. Я не могу. Боюсь его даже трогать, Дим. Меня стошнит.

– Лера, я всё решу, не беспокойся. Договорюсь с кем-нибудь из ребят, чтобы похоронили пса. Будь на связи, чтобы отдать ключи. Живите у Кати до моего приезда. Всё будет хорошо, милая моя, не думай больше об этом, – в голосе мужа вновь зазвучали привычные нотки нежности. Лера снова всхлипнула, горло сжал спазм.

– Хорошо, приезжай побыстрее, пожалуйста, – сдавленным голосом попросила она. – Мне плохо без тебя, Дима.

– Постараюсь. Так что у тебя с телефоном? – снова вспомнил муж.

– Сейчас, подожди секунду, – Лера бросилась к сумке и стала судорожно рыться в ней, холодея при мысли, что забыла его дома. Ей совсем не хотелось возвращаться туда одной. Она перевернула сумку, вывалила вещи на пол. Что-то глухо стукнуло. Это был мобильный. Лера облегчённо выдохнула, подошла к снятой трубке городского телефона. – Всё в порядке, он просто лежал глубоко в сумке, я не слышала вызова.

Они ещё немного поговорили, затем попрощались. Лера задумчиво положила трубку на аппарат и снова вздрогнула от телефонного звонка. Катя взяла трубку и поговорила, односложно отвечая, хмуря брови и кривя губы.

– Твой муж, – сказала она, наконец положив трубку. – Переживает, совсем ты сошла с ума, или только наполовину, – Катя почему-то слегка недолюбливала мужа сестры и всегда норовила съязвить на его счёт.

– Ну что ты, Кать. – примирительно протянула Лера. – Дима хороший, он заботится о нас, ты же знаешь. Что бы я без него делала.

– Ага, и, похоже, не сомневается, что вся наша семейка чокнутая. Думает сейчас, наверное, вызывать психиатричку, или подождать немного, – нервно фыркнула Катя.

Лера после разговора с мужем немного успокоилась. На неё вдруг навалилась усталость, ужасно захотелось спать. Непослушные веки падали на глаза, рот раздирала зевота. Сестра ласково погладила её по голове:

– Приляг, сестрёнка. Я присмотрю за Алиской. Может быть, выйду с ней на улицу. Ей надо развеяться. Да и мне тоже. Я всё ещё опомниться не могу от твоего рассказа, оторопь берёт, – Катя зябко передёрнула плечами.

– Хорошо, разбуди меня через часик, – пробормотала Лера сонно и отключилась, как только голова коснулась подушки.

Первое, что она услышала сквозь дрему, лёжа с закрытыми глазами – смех дочери. Лера встала, заглянула в соседнюю комнату. На душе потеплело, вздох облегчения вырвался из груди. Алиса подпевала весёлой песенке, льющейся из динамиков телевизора и пританцовывала в такт. С кухни доносилось уютное позвякивание посуды, шум воды. Лера почувствовала себя выпавшейся и спокойной. Все события сумасшедшей ночи и утра показались далёкими и неправдоподобными.

– Выспалась? – окликнула её Катя. – Как себя чувствуешь?

– Спасибо, Катюш. Просто как заново родилась, – улыбнулась Лера, потягиваясь. – Ты что там делаешь? Помочь?

– Да я уже сама справилась, Лер. Замесила тесто на твоё любимое печенье. Помнишь, как в детстве делали с мамой? Под названием: – «Кто во что горазд» или «Буйная фантазия»? – рассмеялась сестра.

Вечером все вместе они пекли печенье. Вырезали из теста разные фигурки и хохотали над тем, что получилось. Алиса больше не вспоминала про Бакса и неведомую Анжелу, заливаясь беззаботным смехом. Потом пили чай с горячим печеньем и смотрели старую комедию, забравшись на большой диван втроём. Лера сама не заметила, как её укачали тёмные волны дрёмы. Дочь уже давно посапывала у неё под боком.

Катя потихоньку встала, укрыла одеялом спящих сестру и племянницу, выключила телевизор и ушла к себе в комнату. Ей не спалось. Она постояла на балконе, с наслаждением вдыхая свежий весенний воздух, любуясь огнями вечернего города. Взгляд поневоле устремлялся в ту сторону, где находился дом сестры. Мысли крутились вокруг того, что она рассказала. Она вспомнила расспросы Димы, – «точно ли с Лерой всё нормально?» – и невесело усмехнулась. Катя сама не знала, чему верить. Слова племянницы и имя на могильном памятнике не выходили из головы.

«Алиса так похожа на мать. Лера в детстве была такой фантазёркой. Но она изменилась после гибели родителей. Как будто окаменела. Только после знакомства с Димой начала понемногу приходить в себя», – с грустью думала Катя.

Она сама после неожиданной смерти близких людей поняла, что ей лучше быть одной, не впускать никого в сердце. В подсознании навечно застыл страх потери, чувство незащитности перед обстоятельствами. Катя приняла решение, казавшееся единственно правильным, – не выходить замуж и не заводить детей. Но боязнь за сестру, а после и за племянницу, всегда таилась где-то глубоко в сердце. «Что же всё-таки произошло вчера ночью? – Катя зябко повела плечами, похолодев при мысли о смерти собаки: – Жалко пёсика. Но он был и вправду такой старенький, неуклюжий. Даже по лестнице подняться не мог, падал. Может быть, Дима прав. Бакс сам как-нибудь напоролся на этот нож. Со всем остальным тоже есть какая-то простая разгадка. Внутри игрушки остались другие батарейки. Ну а эта подвеска над дверью – может, кто-то из соседей сильно хлопнул дверью, дом даёт усадку, от сквозняка закачалась. Да мало ли причин. А Лера и вправду накрутила себя, она такая». Катя почувствовала, что замёрзла. Зашла в спальню, прикрыв балконную дверь и устало вытянулась на кровати, закутавшись в одеяло с головой. Она ещё долго лежала без сна, пытаясь найти правдоподобное объяснение рассказанному сестрой, пока не задремала.

Настенные часы в гостиной размеренно тикали, сливаясь в унисон со стуком сердца. Лера всю ночь спала крепко, как в детстве, без сновидений. Лишь под утро ей приснился кошмар. Чудовище с жутким лицом, похожим на Лизу с рисунка дочери, тянуло к ней свои призрачные щупальца. Тяжёлая слабость в ногах не давала сдвинуться с места и убежать. Оно приближалось, окутывало Леру леденящим холодом. Ей хотелось закричать изо всех сил, но из горла вырвался только слабый хрип. Внезапно из темноты вышел Дима. Загородил её своим телом. Лера видела перед собой его широкие плечи. Чувствовала запах его любимого одеколona. «Димочка... Ты здесь», – её затопила волна нежности и счастья. Она протянула руки, чтобы обнять его, но почувствовала лишь липкую влагу на ладонях. Муж исчез. Растворился в окутавшем всё вокруг тумане. Отчаяние навалилось снежной лавиной. Она задыхнулась от боли и зарыдала, горько и безнадежно. Лера звала Диму снова и снова, срывая голос, пытаясь отыскать его в плотной ватной пелене, облепившей со всех сторон. В ответ раздавался только мерзкий механический хохот игрушки, иголками впивавшийся в барабанные перепонки и еле слышный металлический звон. Лера проснулась от собственного крика, подушка была мокрой от слёз. «Дима. Что-то случилось с ним», – пронеслось в голове. Она вскочила, тяжело дыша, тревожно оглядываясь по сторонам. Стрелки часов замерли ровной вертикальной линией на циферблате. За окном серел рассвет, приглушая свет ещё горевших уличных фонарей. Лера

схватила телефон и стала звонить мужу. «Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети» – ответил ей равнодушный голос автоответчика. Раз за разом она набирала номер, чувствуя, как дыхание замирает, а сердце стучит в бешеном ритме от накатывающей волны паники.

– Димочка, ну ответь, миленький, – шептала Лера, как заклинание, умоляюще глядя на экран мобильного, но номер мужа по-прежнему был недоступен.

Глава 3 Мамочка, отрежь мне кусочек пирога

Дима положил телефон на стол и глубоко задумался, подперев голову рукой. Его серые глаза потемнели, тяжёлый вздох сорвался с губ. Он всегда знал, что у жены живое воображение, она нежная и ранимая, в отличие от него, стопроцентного прагматика и реалиста. Алиса получилась похожей на мать – маленькая фантазёрка. Но этот разговор не на шутку напугал его. Чем дольше он думал о том, что поведала ему жена, тем больше росло его беспокойство. Похоже, Лера потихоньку сходит с ума. Наверное, вид мёртвого пса так поразил её, что психика не выдержала. Или жена перестала отличать сны от реальности. Дима снова вздохнул. Он не сомневался, что смерть Бакса должна иметь простое и логичное объяснение. А Лерка, как обычно, нагородила чепухи на ровном месте. «Творческая личность, что поделатать», – его тонкие губы искривились в грустной усмешке.

Жена всегда удивляла его своей способностью разглядеть необычное в привычных вещах. Он с лёгкостью могла сочинить на ходу историю или сказку дочери. Часто бывала задумчива, рассеянна. Боялась темноты, ей снились кошмары. Порой жена вскакивала среди ночи с криком и тянулась к нему всем телом, пытаясь унять дрожь. Дима обнимал её, прижимал к себе, чувствовал частый стук сердца. Его сны обычно были чёрно-белыми, размытыми, как старая кинолента. Он искренне не понимал, как можно бояться каких-то ночных видений. Диме хотелось защитить жену от того страшного, что являлось к ней по ночам, но не знал, как, и злился от собственной беспомощности.

Желание защитить возникло в нём сразу же, как только увидел невысокую хрупкую незнакомку, с нежным лицом и грустными карими глазами. Дима тогда только начинал карьеру в своей компании, работал простым менеджером и почти всё время проводил в разъездах – но приходилось путешествовать в основном на поездах или междугородних автобусах. В тот день он возвращался из очередной командировки. Выскочил из душного вагона поезда и быстро пошёл в сторону автобусной остановки. Ему хотелось скорей добраться до дома и смыть под душем грязь плацкартного вагона. Остановился на светофоре, ожидая зеленого, нетерпеливо постукивая носком ботинка по асфальту. Окинул взглядом привокзальную площадь, заставленную разнокалиберными киосками, предлагающими чебуреки, сосиски, беляши. Во все стороны спешили люди с чемоданами, сумками, баулами. Загорелся зелёный – и Дима пошагал через дорогу, вытягивая шею, пытаясь разглядеть номера автобусов. Остановка, как и привокзальная площадь, была сплошь заставлена киосками, продающими разнообразную ерунду – от пирожков до газет и носков. У дальнего ларька он заметил девушку, окружённую галдящими цыганками. Она уже доставала деньги из сумочки, беспомощно глядя на жестикующих смуглых женщин в цветастых юбках и платках. Дима много раз видел здесь, у вокзала, как цыгане приставали к незадачливым прохожим, но предпочитал не вмешиваться. Он с детства понял, что в этом мире каждый сам за себя – всем помогать себе дороже. Но в этот раз почему-то шагнул в сторону крикливой толпы, присматриваясь к лицу девушки – оно выглядело странно знакомым, словно они уже встречались прежде. Она вдруг повернула голову и растерянно посмотрела Диме прямо в глаза. Он замер, замороженный взглядом больших карих глаз и понял, что должен, просто обязан помочь незнакомке. Куда-то пропала усталость и острое желание скорей попасть домой. Дима быстро подошёл и решительно перехватил руку девушки с зажатой в ней банкнотой. Цыганки проклинали его на все лады и отталкивали от своей жертвы. Но Дима оттеснил галдящих, как стая крикливых птиц, женщин, и отвёл растерянную девушку в сторону, не выпуская её тёплой узкой ладони из своей. Снова посмотрел в тонкое бледное лицо и внезапно понял, отчего оно показалось таким знакомым. Он даже замер на секунду от пронзившего сердце воспоминания. Незнакомка была удивительно похожа на портрет девушки из далёкого детства Димы.

Его родители разошлись, когда ему не исполнилось и четырёх лет. Он смутно помнил, как мать больно сжала его в объятиях на пороге, сбивчивым шёпотом повторяя: «Я заберу тебя, сыночек, как только устроюсь. Скоро. Подожди немного». Дима остался жить с отцом и бабушкой. Но он не переставал ждать. Её, свою маму. Она же обещала... Отец постоянно пропадал на работе, и Дима почти всё время проводил дома, с бабушкой. Она была доброй, рассказывала сказки, пекла вкусные блинчики. Но Диме так не хватало матери. Её запаха, улыбки, голоса. При мысли о ней в груди становилось пусто и горько.

В бабушкиной комнате над маленьким журнальным столиком висела репродукция картины – девушка в широкой светлой сорочке стояла, повернувшись вполоборота. Её задумчивое и немного насмешливое тонкое лицо с большими карими глазами было ярко освещено, все остальные предметы на картине скрывались в темноте. Дима почему-то был уверен, что эта девушка очень добрая, ласковая – такая, как мама. Он прищуривал глаза и ему казалось, что она улыбается, поворачивая голову и глядя на прямо на него. Он постепенно забыл настоящее лицо матери и убедил себя в том, что это и есть его мама. Злая ведьма заточила её в этой картине, как принцессу в замке, поэтому она не может приехать. Он часами мог разглядывать любимое лицо, водя пальцем по лощёной бумаге.

Потом он немного подрос и догадался – это всё глупости и сказки. Не бывает заколдованных принцесс и мам, заточённых в картинах. Всё это время он надеялся зря. Дима вдруг ясно понял – мать просто обманула и никогда не вернётся. Бросила их с отцом и бабушкой. Предательница. Слёзы выступили на глазах в тот миг, когда к нему пришло горькое осознание коварства матери. Он задохнулся от боли и ярости. Сердито топнул ногой, забежал в комнату бабушки, сорвал со стены репродукцию, скомкал и выбросил в окно. Бабушка очень расстроилась тогда и долго ворчала на Диму своим старческим чуть хриловатым голосом. С тех пор он перестал ждать мать. Заставил себя не думать о ней, хотя в памяти порой снова появлялось её лицо – лицо девушки с картины. В такие моменты Дима содрогался от жгучей боли внутри, но упрямо сжимал кулаки, прогоняя прочь воспоминания. С годами он забыл о своих детских разочарованиях и мечтах, мысли о матери больше не трогали его. Дима вырос высоким, уверенным в себе мужчиной. Знал, что нравится противоположному полу и умело пользовался этим. Никогда не страдал от отсутствия женского внимания. Но ни одна из тех, с кем встречался и делил постель, не смогла затронуть его сердца. Он относился к девушкам немного презрительно и свысока. Пока не встретил Леру на автобусной остановке у вокзала. Перед ним стояла она – его ожившая детская мечта.

– Мы знакомы? – спросила она, слабо улыбнувшись. – Мне кажется, я вас откуда-то знаю.

– Странное совпадение... – изумлённо протянул Дима. – Мне тоже почему-то так показалось. Вы удивительно похожи на один портрет. Впрочем, это неважно. Пойдёмте, я провожу вас, пока эти акулы снова не пристали к вам. Дима, – представился он.

– Лера... – ответила она. – Вы знаете, я даже не успела ничего понять, как они все налетели на меня, говорили, что на мне порча. Я как под гипнозом была. А на какой портрет я похожа? Расскажите, мне очень интересно, правда.

Дима проводил Леру до дома – всю дорогу они болтали и смеялись, словно знали друг друга сто лет. Когда Лера легко взбежала по ступеням крыльца и скрылась за дверью подъезда, весело помахав рукой на прощание – Дима вдруг понял, что уже соскучился. Он не был особо романтичным, скорее наоборот. Но сейчас осознал, что готов совершить любой, самый безумный поступок, чтобы завоевать эту нежную застенчивую девушку с тёплым взглядом больших глаз. Ему вдруг с прежней силой вспомнилось его детское отчаяние и разочарование, когда он понял, что мать не вернётся. Дима упрямо стиснул зубы и поклялся себе, что с Лерой этого не случится. Она должна быть с ним – он сделает всё для этого.

Ей тогда было всего семнадцать – совсем девчонка. И Диме в свои двадцать пять пришлось прогуливаться с Лерой по вечерним улицам, словно школьнику. Но его это вовсе не

тяготило и даже казалось увлекательным – он в первый раз в жизни вёл под руку любимую девушку. Загадочную и желанную до боли. Старшая сестра Леры – Катя была поначалу против их отношений, считая его слишком взрослым – шутка ли, целых восемь лет разницы! Твердила о том, что Лере нужно сначала закончить университет, а уж после думать о серьёзных отношениях, тем более о женитьбе. Однако постепенно смягчилась. Но Дима всё равно чувствовал – Катя недолюбливает его. Они встречались три года, пока Лера не поняла, что беременна, чему Дима был очень рад – всегда втайне боялся, что она увлечётся кем-то другим, пока он мотается по служебным делам. Они поженились, родилась Алиса. Лера бросила учёбу и занялась ребёнком, домом. Дима был в восторге от нового, незнакомого доселе чувства – надёжного тыла. Дом, где тебя всегда ждёт любимая женщина – вот чего ему всегда не хватало. Раньше он хранил мечту о любви, семье где-то глубоко внутри, надёжно замаскировав показной грубостью и циничностью, и только теперь до конца осознал, как нуждался в этом прежде. Всё-таки предательство матери ранило его намного глубже и больнее, чем он сам себе представлял. Но сейчас рядом была Лера – она заслонила собой мучительный образ матери, и Дима впервые в жизни почувствовал себя счастливым.

С работой тоже всё отлично складывалось – он постепенно поднимался по карьерной лестнице вверх. К своим тридцати пяти уже достиг поста коммерческого директора солидной компании с приличным окладом и приятными бонусами. Вот только по-прежнему приходилось мотаться по стране, решая рабочие вопросы. Намного реже, чем раньше, но всё же. Он привык за эти годы к постоянным командировкам. И некоторым вольностям вдали от дома. После женитьбы на Лере Дима какое-то время избегал случайных связей. Но вскоре всё вернулось на круги своя – только теперь он стал крайне осторожен. Дима не считал эти сиюминутные интрижки изменами. Женщины обычно думают иначе. Поэтому главное – не выдать себя. «Хороший левак укрепляет брак» – любил повторять один из коллег Димы – он был полностью согласен с этим расхожим выражением. К тому же Лера оказалась не настолько темпераментной, как он сам, любила долгие ласки и не терпела грубости в постели. Диме всегда приходилось немного сдерживаться – он предпочитал жёсткий быстрый секс без сантиментов. В этом и заключалась прелесть одноразовых отношений – не нужно было притворяться. К тому же женщины сами вешались Диме на шею – отчего бы не попользоваться тем, что само идёт в руки. Вот и сейчас он кое-кого ждал – секретаршу принимающей стороны, что встречала и отвозила Диму в гостиницу. Идеальная кандидатура – он ещё в аэропорту заметил обручальное кольцо на пальце и оценивающий призывный взгляд. Вчера Дима пустил в ход всё своё обаяние и получил недвусмысленное обещание Юленьки навестить его сегодня в номере. Однако разговор с женой изменил вчерашнее игривое настроение, Дима напряжённо думал о том, что же предпринять. На столике зажужжал телефон. Звонила секретарша. Дима раздражённо нажал на кнопку вызова и бросил в трубку:

– Слушай, Юль. У меня изменились планы, ничего не получится.

Нажал «отбой» не слушая ответ и небрежно бросил телефон на стол. Вскочил и стал нервно ходить по гостиничному номеру, нахмутив брови. В голове крутилась одна мысль. «Что же делать?» Так ничего не решив, снова опустился в большое кожаное кресло, потирая виски. За те десять лет, что он знал жену, она так и осталась для него загадкой – словно и в самом деле была той самой таинственной девушкой с картины, чьё лицо было простым и понятным в ярком свете свечи, а всё остальное, что было за ней, терялось во мраке. И Дима никак не мог понять, что же скрывается там, в этом сумраке...

Лера всегда и во всём искала тайный смысл, много читала, причём самой разной, даже бредовой, на взгляд Димы, литературы. Часто выпадала из реальности, напряжённо глядя куда-то внутрь себя потемневшим взглядом. На его вопрос:

– О чём задумалась? – вздрагивала и растерянно пожимала плечами:

– Да так, о ерунде всякой...

Ему в такие моменты очень хотелось забраться под высокий гладкий лоб жены и прочитывать мысли, что бродят там. Дима не верил в мистику, экстрасенсов, теории о переселении душ, загробной жизни и тому подобную ерунду, считая всё это лишь предлогом для сбора денег с доверчивых граждан. Его могло убедить лишь то, что он видел своими глазами. «Жить нужно здесь и сейчас. И жить достойно. Всё остальное ерунда и ловушка для лошков», – любил повторять он. Лера в ответ лишь сердито морщила нос и говорила, что он ничего не понимает. Дима иногда ловил себя на мысли, что думает о жене, как о наивном доверчивом ребёнке и тяжело вздыхал, вспоминая о том, как они познакомились. Ему порой представлялось, что они с Лерой два кусочка разных пазлов – сколько ни крути и не прикладывай друг к другу – не соединишь в целую картинку. Но Диме был нужен лишь этот кусочек пазла и никакой другой. Несмотря ни на что он нежно любил жену. Только её. И дочь.

«Что же происходит с Лерой?» – снова подумал Дима, нервно рванув узел галстука, стягивающего шею, и с раздражением бросил его на кровать. Он не любил официальный стиль одежды и обычно носил что-то попроще там, где не нужен был строгий дресс-код. Но Юленька вчера восторгалась тем, как ему идёт этот костюм и капризно протянула напоследок: «Ну хорошо, я приду, если ты будешь таким же неотразимым, как сегодня. Ты будешь Джеймс Бонд, а я твоя Веспер Линд...». И он вырядился, как идиот. Дима зло усмехнулся. «Да чёрт с ними со всеми. Юленьками, Машеньками. Как же я не заметил, что с Лерой что-то не так? Дурак. Давно нужно было завязывать с этими командировками. Лера просила об этом. Жаловалась, что ей плохо одной. А я не слышал и не слушал. Если бы знал, что с ней творится, не полетел сюда» – его беспокойство всё нарастало. Дима не был паникёром и привык трезво смотреть на вещи. Но сейчас безотчётная тревога за жену и дочь тянувшей болью отзывалась в сердце, вносила беспорядок в мысли. Он сам себе не мог объяснить, почему, но почувствовал вдруг, что ему нужно домой. Немедленно. «Улететь обратно? Это может стоить мне работы... Но Лера... Алиса...»

Дима резко встал с кресла и заходил по комнате гостиничного номера, напряжённо думая. Наконец остановился возле большого панорамного окна с видом на центральную площадь. С высоты десятого этажа всё внизу казалось мелким и ненастоящим. На секунду ему почудилось, что он смотрит на огромный оживший конструктор «Лего», в котором внезапно поехали в разные стороны маленькие автомобильчики, троллейбусы, автобусы, беззвучно задвигались смешные игрушечные люди. «Игрушка, Дима! Алискина Лиза! Она говорила ночью, сама, без батареек!» – зазвенел в ушах взволнованный голос жены. Дима закрыл глаза, с силой потёр пальцами закрытые веки, в груди заныло ещё сильнее. Снова взглянул вниз – город, казавшийся игрушечным несколько секунд назад, снова выглядел обычным. Дима постоял так ещё немного, глядя вниз на будничную суету невидящими глазами, нервно кривя рот, затем резко выдохнул, приняв решение. Позвонил в авиакомпанию и забронировал билет на ближайший обратный рейс. Быстро побросал вещи в почти не разобранный чемодан и вышел из номера. Уже сидя в такси, объяснился с начальником, морщась от звука недовольного голоса в трубке.

– Дмитрий Антонович, вы прекрасно знаете о том, как важен для нас этот контракт. Вы понимаете, чем может это обернуться для вас лично?

– Я всё понимаю, осознаю последствия. Но мне действительно нужно срочно вернуться домой. Понимаете, нужно... – твердил упрямо Дима на все уговоры остаться, угрозы понизить в должности, лишить премий и даже уволить.

Но ему было уже всё равно, он почти не слушал того, что выговаривал ему раздражённый голос начальника. Дима происходил из той породы людей, которые никогда не жалеют о том, что сделано, не отступают от намеченного и заранее продумывают пути решения проблем. Сейчас в его голове уже созрел план действий на ближайшее будущее. «Приеду домой, похороню пса, уберу всё, проветрю. Как будто ничего и не было. И игрушку эту выброшу или

спрячу куда-нибудь подальше. Позвоню Лере, когда всё будет в порядке. Возьму своих девочек и поедем вместе куда-нибудь к морю. Недельки на три. Потом буду искать работу в городе, накоплений на первое время хватит. И обязательно нужно уговорить Леру сходить к врачу. Непременно. Кажется, она уже ходила к психологу. Возможно, здесь нужен психиатр. Ничего, сейчас можно вылечить почти всё...» – снова обдумывал свой план Дима, закрыв глаза и откинув голову на спинку кресла.

Самолёт уже набрал высоту и летел, со свистом рассекая воздух, с каждой секундой приближаясь к дому...

Дима добрался до двери квартиры, когда совсем стемнело. Включил свет в коридоре и сразу увидел пса на полу в бурой луже густой крови. Тёмные полосы «тигрового» окраса шерсти чётко выделялись на боку и животе. Голова запрокинута, тонкие лапы подогнуты, как перед прыжком. «Он напоминает осу, застывшую в вишнёвом варенье» – поморщился Дима от неуместного сравнения, невольно всплывшего в голове. Он переоделся в старые футболку, шорты и принялся за работу. Тело Бакса уже окоченело, кровь присохла к полу. Диме пришлось немало потрудиться, отскребая светлый ламинат от того, что прежде было добродушным псом. Жалость к погибшему питомцу смешивалась с отвращением. Сладковатый запах крови вызывал рвотные позывы. Дима старался не дышать носом. Воздух со свистом проходил сквозь краешек крепко сжатых губ. Капельки пота выступили на лбу. Завернув труп в простыню и взяв лопату, он вышел из дома, направился в рощицу неподалёку. Там выкопал глубокую яму, бережно уложил свёрток. Закопал и хорошо притоптал землю, чтобы скрыть от посторонних глаз место последнего пристанища несчастного пса. Немного постоял рядом, подставив ветру разгорячённое лицо, жадно вдыхая освежающий воздух. Затем побрёл обратно.

Вернувшись домой, долго стоял под горячими струями душа, смывая с себя грязь и кровь убитого Бакса, пытаясь понять, как он мог погибнуть. Довольно длинное лезвие ножа полностью вошло в грудь пса, и это немного сбивало с толку Диму, который уже убедил себя в том, что пёс погиб случайно, – «Возможно, Бакс наткнулся на нож, который упал с края стола. Стоп. Почему он мог упасть? Окно закрыто, ветром сдуть на могло...» Дима вспомнил, что пса порой пошатывало спросонья. «Похоже, он ночью ходил к миске и нечаянно толкнул ножку стола», – догадался Дима, – «Нож упал, Бакс поранился им, пытался избавиться от боли, но только загнал лезвие ещё глубже. Но как это возможно, чтобы оно зашло так глубоко, проткнув кости, мышцы?» Здесь крылась какая-то тайна. Дима выключил воду и отогнал от себя неприятные мысли. Обошёл на всякий случай квартиру, проверил все комнаты и двери. Осмотрел закрытые окна, недоумённо пожав плечами. Попасть в дом через окно было невозможно. Дима сложил в мусорный пакет свои грязные вещи, в которых отмывал коридор и хоронил пса. Его взгляд остановился на игрушке, белеющей на обеденном столе. В полутьме она казалась точно такой, как прежде. Дима щёлкнул выключателем. В ярком электрическом свете он разглядел бурые пятна на жёлтом платье и поморщился от вида чёрных круглых глаз. Дима осторожно потёр их пальцем, но краска не поддавалась. «Ну Алиска, испортила игрушку. Наверное, лаком для ногтей намазала, – Дима видел такой у жены. Он тяжело вздохнул, снова подумав о психиатре, – Ох, Лерка – Лерка... Надо же придумать такое». Дима помял мягкое туловище игрушки, покрутил плюшевые лапки, зачем-то подёргал розовый бантик. «Похоже, батарейки окончательно сдохли. Что же с ней делать? Выбросить? Но ведь недешёвая игрушка. Можно постирать её, а глаза оттереть ацетоном – будет как новенькая» – Дима не был скрягой, но и транжирить не любил. Секунду поколебался и решительно встряхнул головой – «Да чёрт с ней. Лишь бы Лерка успокоилась» – и сунул Лизу в пакет. Поставил его к входной двери, чтобы не забыть захватить с утра. Окинул довольным взглядом коридор, сияющий чистотой. Пункт первый его плана выполнен. Всё остальное он доделает завтра. Зевнув, с наслаждением потянулся

и направился в спальню, не замечая пристального тёмного взгляда, глядящего ему в спину сквозь полупрозрачный серый пластик с ненавистью и жадностью.

Дима неожиданно проснулся в темноте. Светящиеся алые цифры электронного будильника, стоявшего рядом на тумбочке, показывали ровно три часа ночи. Он приподнял голову и понял, что его разбудило. Смеющийся детский голосок, безостановочно напевающий одну и ту же фразу:

- Мамочка, отрежь мне кусочек пирога
- Мамочка, отрежь мне кусочек пирога
- Мамочка, отрежь мне кусочек пирога
- Мамочка, отрежь мне кусочек пирога
- Мамочка, отрежь мне кусочек пирога

В песенку вплетался ещё какой-то металлический звук, но Дима спросонок никак не мог понять, что это.

- Проклятая игрушка – выругался он, – да что с ней такое.

Ему очень не хотелось встать с постели, но навязчивый голос не умолкал, и Диме пришлось подняться, чертыхаясь сквозь зубы. Сонно пошатываясь и потирая не желавшие открываться глаза, вышел в коридор. Развязал шелестящий пакет, взял Лизу в руки. Она вдруг замолчала на середине фразы:

- Мамочка, отрежь мне...

Теперь ночную тишину нарушало только позвякивание откуда-то сверху. Диме наконец удалось разлепить глаза и посмотреть туда. «Ловушка злых духов» над входной дверью подпрыгивала и качалась из стороны в сторону, деревянные фигурки кружились и мелькали, словно детская карусель. «Что за чёрт? Ловушка... Про неё говорила Лера» – пронеслись в голове беспорядочные мысли. Дима вздрогнул – ладоней коснулось что-то влажное, липкое и тёплое. А сама игрушка вдруг показалась ледяной и твёрдой наощупь. Он опустил глаза вниз и застыл в недоумении, вмиг проснувшись.

Лиза истекала кровью, она падала на пол с глухим стуком. Капли превращались в ручейки, которые стекались к ногам. Кровавая лужа становилась с каждой секундой всё больше. Дима в изумлении выронил игрушку из рук и смотрел на неё, приоткрыв рот. Белое плюшевое тельце в жёлтом платье заволкло серым плотным туманом. Он разрастался, сгущался и понемногу становился похожим на очертания человеческой фигуры. Наконец перед ошеломленным взглядом Димы появилось нечто, отдалённо похожее на женщину, от вида которой волна противной слабости прокатилась по телу и что-то мелко задрожало внутри живота.

Бесформенный развевающийся балахон, сотканный из серого дыма. Волосы на голове напоминали клубок тёмно-серых змей. Они беспрестанно двигались, то свиваясь в кольца, то вытягиваясь. Серое лицо с глубокими провалами чёрных глазниц. Алый рот, похожий на открытую рану. Сверху его пересекали тёмные поперечные полосы. Присмотревшись, Дима понял, что это толстые нитки. «Словно её губы зашил какой-то безумный портной». – с содроганием подумал он. Призрак посмотрел на него своими жуткими пустыми глазницами. Дима задохнулся от мертвящего холода этого взгляда, что проник в каждую клеточку тела, заморозил кровь в венах. Услышал голос, похожий на шорох ползущей змеи:

- Хочешь меня трахнуть?
- Ч-ч-то? – прошептал Дима, с изумлением глядя на серое лицо. – Н-нет...

– Трахни меня, герой-любовник. Как ты трахаешь всех этих дурочек. Интере-е-сно, об этом знает твоя милая жёнушка? – зашитый рот искривился в усмешке. – А если я расскажу ей об этом?

- Ты... Ты не посмеешь, – пересохшими губами прохрипел Дима. – Откуда ты взялась?

Серое лицо приблизилось вплотную, голос с издёвкой прошипел:

– Значит, не хочешь? Тогда я сама трахну тебя, мой сладкий кусочек. Кусочек пирога.

Сла-а-а-денький...

Игрушка на полу вдруг снова ожила и ехидно запела:

– Кусочек пирога

– Кусочек пирога

– Кусочек пирога

– Отрежь

– Отрежь

– Отрежь.

Дима попятился назад, его разум отказывался верить тому, что происходит. Широкие рукава серого балахона взмыли вверх, холодной сталью сверкнули необычно длинные пальцы. Дима заворожённо наблюдал за призрачной женщиной. В следующую секунду он согнулся от рези в глазницах, электрическим разрядом пронзившей всё тело. «Я ослеп! Ослеп! Эта дьявольская баба проткнула мне глаза!» От этой мысли и невыносимой боли он закричал, прижимая трясущиеся руки к изуродованному лицу. Пальцы провалились в пустые глазницы. Кровь горячими толчками вытекала из дыр, недавно бывших его глазами, струилась по лицу и рукам. Дима ощущал солёный вкус во рту. Запах, похожий на мокрый после дождя металл. В обезумевшей от боли голове пульсировало, – «Не может быть. Это сон. Просто дурной сон. Нужно убежать – и я проснусь». Преодолевая боль, он повернулся в ту сторону, где должна была быть дверь в подъезд, липкими руками хватаясь за стены, и двинулся туда, в поисках спасения. Пошатываясь на скользком от крови полу, с трудом добрался до выхода, уже нащупал замок кончиками пальцев. Новая острая боль молнией пронзила грудь, наполнила всё его существо. Дима заскользил куда-то вниз, в чёрную пропасть, разверзшуюся под ногами. Он взмахнул руками, в последней отчаянной попытке удержаться, не упасть, и ухватился за что-то прохладно-металлическое, коротко звякнувшее в руке. Это была ловушка. Дима вцепился в неё изо всех сил, но только с треском вырвал из стены хлипкое крепление. Чернота затягивала всё глубже. Он понял, что умирает. В угасающем сознании билась мысль о жене и дочери. Вскоре и она померкла...

Глава 4 Кошмар наяву

Лера снова и снова нажимала кнопки на телефоне, но слышала в ответ только невозмутимо-вежливый голос автоответчика. «Позвонить Сергею? Но ещё так рано. Он, наверное, спит» – немного посомневалась она, в замешательстве глядя на мобильный. Наконец решилась, набрала номер сослуживца Димы, тоже улетевшего с ним в командировку. Сонный раздражённый мужской голос ответил, что её муж ещё вчера улетел домой. В трубке раздались короткие гудки. «Дима уже давно должен быть дома, если вылетел вчера днём. Куда он пропал? Почему не позвонил, не предупредил, что собирается обратно? Может быть, что-то с телефоном?» – паника, накатывающая жаркими волнами, вынуждала нервно ходить по комнате. «Что, если рейс задержали, и Дима прилетел ночью? Телефон разрядился, а он забыл зарядник» – сопротивлялась Лера паническим мыслям. Алиса заворочалась в постели и застонала во сне. Лера остановилась, пытаясь успокоиться. Приснившийся кошмар вновь возник перед глазами. Серый туман, поглотивший её мужа... Она почувствовала, что дрожит. Предчувствие чего-то ужасного охватило с новой силой. Лера быстро оделась, стараясь не шуметь. Вырвала листок из записной книжки, второпях набросала пару строк для сестры, положила на стол и выбежала из квартиры.

Пустынная улица встретила свежестью и пением птиц. Но Лера шла быстрым шагом, временами переходя на бег, не обращая внимания на красоту весеннего воскресного утра. Сердце сжималось от предчувствия беды. Вот и знакомый дом. Пустой двор с припаркованными вдоль тротуара автомобилями, в испарине утренней росы. Первые лучи солнца бликами отражались в безмолвных окнах ещё дремлющего дома. Тяжёлая металлическая дверь в подъезд со скрипом приоткрылась, впустив в прохладную полутьму и захлопнулась с громким стуком за её спиной. «Как крышка гроба», – почему-то подумала Лера. Сердце снова болезненно сжалось. Лестничный пролёт. Ещё один. Вот, наконец, знакомая дверь, обитая бежевыми деревянными брусками. Лера прислушалась. В квартире стояла тишина. Сжавшись, как перед прыжком, повернула ключ в замке и осторожно приоткрыла дверь. В нос ударил смутно знакомый сладковатый неприятный запах. После яркого утреннего света перед глазами плавали радужные круги. Лера зажмурила глаза, надавила на веки кончиками пальцев. Затем снова открыла и прищурилась. Сумрак коридора, пронизанный тонкими нитями солнечных лучей, проникающих сквозь неплотно закрытые жалюзи кухонного окна, всё ещё расплывался перед глазами. Лера сделала шаг вперёд, держась за стену, словно слепая. Пройти дальше ей помешало то, что лежало на полу прямо под ногами. Она перевела взгляд вниз. Зрение понемногу возвращалось, показав то, к чему прикоснулся носок кеда.

Возле двери, спиной к ней и свернувшись калачиком, лежал её муж Дима, в своей любимой серой пижаме. Ему очень нравился рисунок на майке – голова попугая с длинным хохолком на макушке и надписью под ним: «МАЧО». Они как-то наткнулись на эту пижаму в магазине и долго смеялись над неуловимым сходством Димы и изображённой птицы. У мужа на затылке топорщился такой же непослушный хохолок, не поддающийся никаким расчёскам и укладкам. Это было давно. Лет пять назад. Пижамы порядком поизносились, рисунок побледнел, но Дима неизменно натягивал её, увидев чистой в шкафу.

Лера присела на корточки, тронула его за плечо и тихо позвала:

– Дима... Димочка...

Ласково провела по ёжику тёмно-русых густых волос на затылке. Муж не отзывался и не шевелился, лёжа всё в той же позе. Она снова положила руку ему на плечо, потянула на себя, пытаясь перевернуть на спину. Он повернулся как-то слишком легко, голова безвольно скатилась набок, рука упала на пол с негромким металлическим звоном. В ладони муж сжимал

«ловушку злых духов», смятую и перекрученную. Лера перевела взгляд выше. Грудь сдавило тисками, вмиг стало нечем дышать.

Она хватала ртом воздух, не чувствуя его лёгкими, не сводя безумных глаз с изуродованного тела любимого мужчины, лежащего перед ней. Окровавленное лицо смотрело на неё пустыми глазницами. Глаз не было. А губы... Они были сшиты толстыми грубыми нитками, несколькими большими стежками. Пижама спереди оказалась тёмно-бурого цвета из-за крови, насквозь пропитавшей её. Слева, в области сердца – там, куда раньше упирался хохолок попу-гая, зияла продолговатая рана. И кровь. Кровь повсюду. Только сейчас она увидела то, чего не заметила прежде. Коридор был залит кровью, на светлой мебели, стенах – повсюду уродливые тёмно-красные кляксы. Её запах и почувствовала Лера, когда вошла...

Мир вокруг неё вдруг сузился, утратив звуки и краски. В этом тесном пространстве осталась только она и лежавшее перед ней тело мёртвого мужа. И густой запах крови. Лера закричала, страшно и безнадежно, вложив в этот крик всю свою боль и отчаяние, не ощущая собственного голоса. Она не слышала, как загремели открывающиеся двери соседей, встревоженных её криком. Кто-то пытался поднять её, тянул за руки, тряс за плечи – она яростно сопротивлялась, не сводя остекленевших глаз с лица Димы. Крик постепенно превратился в хрип, но Лера не чувствовала и не замечала этого в вязкой тишине, окружавшей её. Наконец она перестала бороться, бессильно обмякла. Соседка из квартиры напротив увела её к себе и усадила на диван. Лера видела её встревоженное лицо, шевелящиеся губы, но не различала ни звука. Фельдшер скорой помощи, бледная тоненькая девушка в синем медицинском костюме, качая головой и тоже шевеля губами, как рыба в аквариуме, вколола лекарство. Лера не чувствовала боли от укола, вообще ничего не чувствовала, даже сопротивляться больше не было сил. Она сидела, сгорбившись, обхватив голову руками, не понимая, почему она здесь и зачем. Перед глазами всё ещё стояло окровавленное лицо Димы с дырами на месте глаз. Она хрипло стонала, мотая головой, пытаясь избавиться от этого страшного видения, но оно словно застыло перед глазами.

Постепенно мир стал приобретать былые очертания, вернулся слух, видимо, под действием лекарства. Он услышала причитания соседки, гул мужских голосов где-то в подъезде. Не проходило только чувство ирреальности. Лера ощущала себя статистом в каком-то страшном фильме. Казалось, что вокруг суетятся актёры, старательно играя свои роли. Он с нетерпением ждала, когда невидимый режиссёр скамандует – «Стоп, снято», все разойдутся и Дима выйдет к ней, смеющийся, живой. Такой, каким она видела его последний раз в аэропорту. Но этого всё не происходило, мучительная постановка продолжалась. Входили и выходили какие-то люди, с сочувствием поглядывая на неё и негромко переговариваясь между собой, шеле-стели бумагами, хлопали дверями. Безумная мысль молнией озарила мозг – «Что, если Дима жив? Может, я ошиблась? Вдруг я перепутала? Это кто-то другой, не Дима. Это не мог быть он, не должен... Как же я сразу не поняла. Нужно проверить и убедиться, что это не Дима».

Лера вскочила и рванулась к двери, боковым зрением отметив удивлённо вытянувшиеся лица соседки и мужчины, стоявшего рядом с ней. Внезапно её остановили чьи-то сильные руки.

– Отпустите! Где мой муж? Мне нужно проверить... – хрипела Лера, пытаясь вырваться из цепких рук.

– Успокойтесь. Его уже увезли, – державший её за плечи человек говорил сочувственно, но твёрдо.

– Куда? Куда увезли? Зачем? – она посмотрела в серые глаза мужчины и увидела в них жестокий ответ.

– Нет. Нет. Я не верю, – прошептала Лера, зажмурившись, с горечью осознавая, что смерть мужа – реальна. Это был он. Его волосы, лицо, пижама. И теперь ей предстоит жить в этой реальности. Без Димы... Грудь снова больно стянуло тисками.

Мужчина подвёл её к дивану. Усадил уже не упирающуюся Леру и присел рядом.

– Моё имя Валентин Михайлович Егоров. Следователь. Вы жена погибшего? Я вам сочувствую, понимаю ваше состояние, но вы должны сейчас проехать в отделение полиции. Мы вынуждены опросить вас как свидетеля и потерпевшую.

Лера покорно кивнула, с трудом поднимаясь. Ноги налились свинцовой тяжестью и слабостью, как в предутреннем кошмарном сне. Каждый шаг причинял невыносимую боль, ружейным выстрелом отдающую в сердце и голову. Она вышла в подъезд и застыла, глядя на полуоткрытую дверь своей квартиры.

– Валерия. Нужно, что бы вы вошли в квартиру и посмотрели, всё ли на своих местах. Деньги, ценные вещи. Так нужно, – следователь распахнул дверь.

Коридор, залитый кровью, выглядел как вход в ад. Тела мужа не было. Лера задержала дыхание и вошла, зажимая рот рукой и стараясь не смотреть вокруг. «Деньги и ценности...» – звучал в ушах голос следователя. Она обвела глазами комнату. На тумбочке лежали наручные часы мужа. У смятой постели открытый чемодан, рядом валялись небрежно брошенные носки, словно их хозяин ненадолго вышел из комнаты и вот-вот придёт обратно. Лере вспомнилось, как она всегда ворчала на Диму за эти носки – он постоянно разбрасывал их, где попало.

Она резко отвернулась, подошла к мебельной горке, заглянула в шкафчик, где хранились деньги, пара золотых серёжек и колец – она не любила золотые украшения. Всё лежало на своих местах. Взгляд вновь упал на неразобранный чемодан. Лера рванулась к выходу, хватая воздух ртом, не в силах больше смотреть на вещи, ожидающие мужа, который не вернётся никогда. Ноги не слушались, она едва не рухнула посреди комнаты. Следователь, ходивший за ней по пятам, подхватил под руки и вывел к подъезду. Усадил Леру на скамейку, а сам встал рядом, щёлкнул зажигалкой, прикуривая сигарету. Подъехал полицейский автомобиль, тревожно моргая разноцветными леденцами ламп на крыше. Лера покорно села в душный салон, пропахший мужским потом и прикрыла веки.

– Вы хорошо посмотрели, ничего не пропало? – голос следователя звучал словно откуда-то издалека, из другой реальности.

– Всё на месте, – тихо ответила Лера, не открывая глаз, с трудом проталкивая звуки сквозь саднящее горло.

Автомобиль, скрипнув тормозами, остановился возле двухэтажного здания, облицованного гладкими гранитными плитами.

– Приехали, – мрачно сказал водитель.

Они прошли сквозь рамку металлоискателя на входе, поднялись на второй этаж по широкой лестнице с выщербленными ступенями. Валентин Михайлович открыл обитую потёртым от времени дерматином дверь небольшого кабинета, с двумя стоящими посередине столами и несколькими стульями. Расположился за столом, зашуршал бумагами, махнул рукой Лере на стул рядом. Она присела, щуря глаза от солнечного света, бывшего ей прямо в лицо сквозь большое зарешеченное окно. Следователь задавал ей какие-то вопросы о семейном положении, работе, на которые она отвечала односложно и механически. Ледяная пустота, образовавшаяся внутри, при мысли о муже наливалась острой болью, мешала дышать. Следователь писал, не поднимая головы и не глядя на Леру

– Расскажите, при каких обстоятельствах вы обнаружили тело вашего мужа? – задал он новый вопрос. Поднял голову, увидев наконец, что Лера морщится от солнца.

– Извините, сейчас закрою жалюзи, – спохватился он, поднялся и начал дёргать за верёвочки сбоку окна, что-то сердито ворча себе под нос. – Чёрт, сломались, похоже, – выругался он. – Бар-рдак...

– Ничего... – прошептала Лера. – Я уже привыкла, не беспокойтесь. Давайте я расскажу вам всё, что знаю и видела.

Лера говорила медленно, запинаясь, морщась от острой боли в груди. Рассказала о странной смерти пса и своём бегстве к сестре. О том, как нашла убитого мужа. Умолчала только о игрушке дочери, что так напугала её ночью.

«Если я расскажу ему это сейчас, он точно примет меня за сумасшедшую. Ещё решит, что это я во всём виновата» – с тоской подумала она, глядя на сосредоточенное лицо следователя, склонившего голову над листом бумаги. Он поднял глаза вверх, задумчиво сверля взглядом стену и Лера поймала себя на мысли, что его черты кажутся смутно знакомыми. Склонила голову набок, немного отвернувшись от солнечного света и внимательней присмотрелась к мужчине. Ему было лет пятьдесят – шестьдесят на вид. Худощавое лицо, глаза светло-серого цвета, густые тёмные брови с налётом седины, на голове такого же цвета волосы, только изрядно поредевшие. Две глубокие морщины, похожие на автомобильную колею, пролегали между бровей. Прямой нос с широкими ноздрями. Рот скрывался под густыми седыми усами. «Я точно его видела когда-то» – мысли путались, она не могла вспомнить, откуда знает следователя, но то, что уже встречалась с ним, знала точно. Внезапно он сам разрешил мучивший её вопрос.

– А вы меня не узнаете, Валерия? Я ведь был когда-то женат на вашей тёте, Любе. И вас помню ещё подростком. Жаль, что довелось встретиться при таких обстоятельствах, – мужчина вздохнул и Лера наконец вспомнила...

Они с Катей рано осиротели, отец и мать погибли в один день в автокатастрофе на загородной трассе, возвращаясь с дачи. Сестра тогда только поступила в институт, а Лера училась в школе в седьмом классе. Когда это случилось, их тётка была в очередной раз замужем. Правда, они редко виделись, отец почему-то недолюбливал сестру жены. Лера с Катей ходили тогда на испуганных птенцов, которых неожиданно выбросили из тёплого гнезда на жёсткий асфальт. Они совершенно не понимали, как теперь быть и что делать. А тётка очень помогла, взяв на себя все хлопоты и расходы по организации похорон и поминок. Оформила опеку над Лерой, утешала и поддерживала их с Катей, как могла. Она была замужем, но как-то быстро развелась, и Лера всегда подозревала, что они с сестрой были тому виной. Наверное, муж тётки не готов был разделить с ней новую роль опекуна сирот, пусть и достаточно взрослых. Впрочем, тётка, несмотря на свою доброту и желание всем помочь, всегда отличалась взбалмошным характером, и причина, возможно, была другой. Как бы там ни было, но её бывшего мужа, Валентина, Лера с тех пор не видела.

– Дядя Валя... Валентин Михайлович, я всё смотрела на вас и не могла понять, откуда знаю. Кажется, раньше вы были без усов, – глаза защипало, сдавило горло. Слезы хлынули из глаз, тёплыми дорожками стекая по лицу. Воспоминания о детстве, родителях, их внезапной потере, сочувствующий взгляд бывшего мужа тётки, образ изуродованного тела мужа, – всё смешалось в сознании, породив поток безостановочных рыданий. Следователь налил ей воды и попытался утешить, вызвав этим новый прилив слёз. Растерянно поглаживая Леру по голове, он бормотал взволнованно:

– Поплачьте, девочка, поплачьте. Станет легче.

«О чём он говорит? Легче? – угрюмо думала Лера, сотрясаясь от спазмов. Ледяная глыба внутри не становилась меньше, по-прежнему причиняя острую боль – Почему это случилось именно со мной? Родители. Теперь муж. Димочка мой. Я не понимаю. За что мне это всё? Почему у меня отнимают тех, кого я люблю?»

В кабинет постучали. Дверь распахнулась и в кабинет вошёл невысокий широкоплечий мужчина с толстой папкой. Бросил её на стол, затем нагнулся к следователю. Лера видела только круглую голову с блестящей лысиной на макушке. Мужчины негромко поговорили о чём-то, листая папку, не обращая внимания на сгорбившуюся на стуле Леру. Она слышала обрывки фраз краем уха, охваченная горестными мыслями. До затуманенного разума постепенно дошёл смысл некоторых слов, и она стала вслушиваться в разговор, поневоле сдерживая

рыдания. Вскоре широкоплечий мужчина с лысиной так же стремительно удалился, оставив папку. Следователь нахмурился, снова перелистывая принесённые бумаги, словно забыв про Леру.

– Подражатель. Это ведь значит, что кого-то уже убили так... ужасно... – хриплым срывающимся голосом спросила она. Валентин Михайлович удивлённо вскинул голову, посмотрел на опухшее от слёз лицо Леры и сказал со вздохом:

– Валерия, вам совсем ни к чему это знать. Думаю, это не имеет отношения к смерти вашего мужа. Дела давно минувших дней. У вас горе, вам тяжело, страшно. Мне самому не хотелось бы вспоминать. Мало приятного, поверьте. Но я вынужден, обязан проверить все версии, это моя работа.

– Валентин Михайлович, вы боитесь напугать меня рассказом о прошлых делах после того, как сегодня утром я нашла своего мёртвого истерзанного мужа? Ещё позавчера я видела его, понимаете? Позавчера он был живой, полный сил и планов! Какой-то зверь, маньяк убил его! Сделал с ним такое. Ужасное... Я даже не могу сказать об этом вслух, мне кажется, что я тоже умираю вместе с ним, чувствую его боль. Дима был хорошим мирным человеком, у него не было врагов. Кто и за что мог сделать с ним такое? Что за тварь? – слёзы вновь потекли по уже проторенным дорожкам на лице. – Я хочу, чтобы вы нашли того, кто это сделал. Пожалуйста, расскажите мне, может быть, я смогу помочь вам. Я должна знать, что бы там ни было, – как можно более твёрдо произнесла она, но голос предательски дрожал. – Прошу вас, мне кажется, что это важно. Не знаю почему, но это так. Не бойтесь за меня, я не упаду в обморок, всё самое страшное, что могло произойти, уже случилось...

Валентин Михайлович задумчиво потёр переносицу и вздохнул, серые глаза потемнели.

– Хорошо, я расскажу вам, Лера. Вы меня убедили. Хотя вы, возможно уже что-то слышали или помните об этом. Дело было громкое, я был одним из тех, кто его расследовал. Мы и с тётей вашей поссорились тогда именно потому, что я практически жил на работе, а ей это совсем не нравилось. Это было больше тринадцати лет назад – в середине девяностых.

– Тринадцать лет назад погибли наши родители. Мне тогда было всего четырнадцать, я долго жила как в тумане после их гибели. Хотя, может быть, что-нибудь вспомню. Рассказывайте дальше, пожалуйста.

– Убийства детей. В основном девочек. Серия. В городе и прилегающих посёлках. Самой младшей жертве было всего два года, старшей девять, – тихо проговорил следователь. – Продолжать? – он остро взглянул Лере прямо в глаза. Она молча кивнула, не отводя взгляда.

– Дети пропадали по дороге в школу, из поликлиник, с детских площадок. Первое было совершено летом в июне, спустя месяц следующее и так в течение года в день новолуния добавлялась новая жертва. Правда мы не сразу додумались сопоставить даты убийств с фазами луны. Двенадцать маленьких детей, все убиты ударом ножа в сердце, у всех удалены глазные яблоки и рот зашит толстой сапожной нитью. Тела жертв находили всегда в разных местах в лесополосе.

Убийства походили на ритуальные, вокруг тел по кругу были расставлены 12 свечей. Криминалисты, изучив остатки воска, пришли к выводу, что в его составе присутствовала человеческая кровь. Примерное время смерти жертв – с полуночи до трёх часов ночи, всегда в те сутки, на которые выпадало новолуние. Сами понимаете, что творилось в городе. Люди боялись отпускать детей в школы, боялись выходить на прогулки. Слухи в городе ходили самые разные, паника страшная была, чем дальше, тем больше... Мужчины создавали добровольные дружины, опера в гражданке патрулировали весь город. Времена тогда беспокойные были и без того – рэкетеры, бандиты, уголовники повывлазили, как грибы после дождя – разборки, огнестрелы, ножевые. При Советах такого бардака не было, конечно. Но здесь совсем другое – дети... Нам даже матёрые уголовники помощь предлагали, – он покачал головой. – Но дети всё равно пропадали. Когда мы поняли, что убивает он именно в новолуние, в этот день проверяли всех подряд, наши ребята и дружинники сбивались с ног. Но убийца был неуловим – словно

ему помогал сам дьявол. Попадал очередной ребёнок, несмотря на все наши усилия. Вы просто не представляете, Лера, какво это – смотреть в глаза родителям, – Валентин Михайлович запнулся, бросил на неё быстрый сочувственный взгляд. – Простите, Лера. Что-то я не о том... Так вот. К тринадцатому по счёту новолунию обстановка в городе накалилась до предела. Нас проклинали все, особенно потерпевшие, – следователь тяжело вздохнул. – Кто-то просто уезжал с детьми из города. Мы работали день и ночь, отработывали десятки версий и зацепок, но, как оказалось впоследствии, мы искали не того... – мужчина вновь замолчал, потирая переносицу, как будто пытаясь разгладить две глубокие морщины между бровями.

– Какой кошмар, невинные дети. Я правда не помню этого, хотя, наверное, должна. И что, убийцу так и не нашли? – потрясённо глядя на следователя, спросила Лера, забыв на несколько секунд о собственном горе, настолько ужасной показалась история, рассказанная сухим будничным тоном.

– Нашли. Только не так, как хотелось... Наступил день, а затем ночь очередного новолуния. Тринадцатого по счёту с начала убийств. Мы, как всегда, работали в усиленном режиме, дружинники дежурили повсюду. Заявлений о пропаже детей в этот день не поступало. Но, сами знаете, родители бывают разные. Некоторые могут и не заметить в пьяном угаре, что ребёнка нет дома. Бывали такие случаи. Около пяти утра поступил вызов из пожарной службы. Старушке не спалось, унюхала дым в квартире соседей. А так сгорели бы все к чёртовой матери. Там дом старый, трёхэтажный, с деревянными перекрытиями. Пожарные приехали быстро, выломали дверь – потушили тлеющий ковёр, нашли труп и вызвали нас. Сначала мы решили, что это снова наша серия – тринадцатая жертва неуловимого убийцы. Детали те же – вырезаны глазные яблоки, зашит рот, убита ножом в сердце, по кругу расставлены свечи. От одной из них и начал тлеть ковёр – спасибо соседке, вовремя спохватилась бабулька. Только место убийства и возраст жертвы не совпадали. Это была взрослая девушка, лет двадцати на вид. Правда, небольшого роста и субтильная. Но, после осмотра тела, по характерным признакам стало ясно, что это самоубийство – девушка сама себе зашила рот сапожной нитью, вырезала глазные яблоки острыми металлическими когтями, надетыми на средние пальцы рук и всадила нож в грудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.